

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

**ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА**

(Эскиз теоретической конструкции)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ВОСТОК И ЗАПАД:
ПРИНЦИПАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ СТРУКТУР¹**

12. Восток накануне
возникновения античной Европы:
рыночно-частнобизнеснические отношения в
развитых государствах

В предшествующем изложении подвергался анализу и описывался генеральный ход исторического процесса на ранних его этапах, связанных с социогенезом и политогенезом. Естественно, что при этом имелось в виду развитие восточных обществ, хотя это обстоятельство особенно не акцентировалось. В этом не было особой нужды, ибо совершенно очевидно для любого, хоть немного знакомого с историей, что процесс исторического развития человечества и тем более возникшей на определенном этапе этого развития его цивилизации и государственности начался на Востоке, причем длительное время, не менее двух, а то и двух с половиной тысяч лет, он протекал только и именно там. Не только развитые государства, но и империи типа ассирийской возникли на Востоке задолго до того, как в Греции были заложены основы принципиально новой, по многим параметрам отличной от Востока, античной структуры, о которой специально пойдет речь в этой части работы. Однако прежде чем поставить проблему принципиального различия между развитым обществом и государством Востока, с одной стороны, и античным миром — с другой, необходимо закончить рассказ о Востоке до появления феномена античности.

¹ Окончание. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1.

Выше достаточно подробно шла речь о возникновении протогосударственных образований и о раннем государстве вне Европы. Теперь на очереди рассказ о государстве развитом, таком, какое было наиболее характерным как раз тогда, когда сформировалось и существовало античное государство в обеих его ипостасях, то есть как в форме греческих полисов, так и в виде римской республики (позже — империи). Стоит заметить, что в понятие развитого государства на Востоке здесь тоже включаются империи, хотя при специальном анализе типов и форм государственности их можно было бы вычлениить и рассматривать особо, как новый и весьма специфический феномен.

Развитое государство (как затем и империя, коль скоро она возникала) было закономерным итогом всего длительного процесса политогенеза в неевропейском мире. Можно в этом смысле сказать, что раннее государство на Востоке при благоприятных обстоятельствах постепенно и гармонично вращало в развитое, для которого были характерны система принуждения, обращенная против собственного населения, а также тесно связанный с этой системой институционализированный закон. Все эти нововведения в свою очередь были производными от тех важных перемен, которые были связаны с процессом приватизации и развитием частной собственности, товарно-денежных отношений, рынка и влиятельного частнособственнического сектора в хозяйстве страны, о которых уже упоминалось. Очень важно обратить специальное внимание на то, что появление рыночно-частнособственнических отношений в непривычных к ним восточных обществах с их развитой и детально институционализированной административно-распределительной структурой было отнюдь не случайным. Больше того, это было неизбежностью, своего рода закономерностью на определенном этапе развития ранних государств.

Дело в том, что сложное и все усложнявшееся по мере своего роста и развития раннегосударственное образование древневосточного типа оказывалось с течением времени все менее управляемым. Рос административный аппарат, становившийся все более тяжелым бременем для общества, но и он по мере развития социально-политической структуры и хозяйственных связей оказывался не в состоянии следить за всем и, главное, обеспечивать бесперебойное функционирование быстрыми темпами возраставшего

и все более усложнявшегося государства. И вот здесь-то снова сказал свое веское слово генеральный принцип самоорганизации общества, причем на этот раз он проявил себя именно в том, что возник рыночно-частнособственнический сектор хозяйства, практически не нуждавшийся в управлении со стороны аппарата власти.

Существенно заметить, что сам аппарат власти, привыкший к своему всесилию и исключительному, монопольному праву на использование всего избыточного продукта общества, отнюдь этому не способствовал и ни в коем случае в этом не был заинтересован. Совсем напротив, традиционное восточное государство, внутренняя суть которого всегда сводилась к тому, что Гегель и Маркс именовали восточным деспотизмом, то есть к праву всевластия над приниженным и готовым беспрекословно повиноваться обществом, всячески препятствовало появлению слоя экономически не зависимых от него частных собственников. И в этом был глубокий смысл, ибо собственники безбедно существовали за счет перераспределения в их пользу некоторой части избыточного продукта, до того монопольно принадлежавшего аппарату власти. Иными словами, они хорошо, чтобы не сказать богато, жили за счет аппарата власти, не занимая при этом в нем никаких позиций. И аппарат власти внутренне был готов просто ликвидировать их, смести с лица земли, уничтожить как таковых.

Этого, однако, он сделать не мог. Это просто было не в его силах. Единственное, что было в его силах, — это лишить частную собственность всех прав и гарантий и поставить ее под строгий контроль власти, что и было сделано. В результате во всех восточных государствах возникший на определенном этапе их развития рыночно-частнособственнический сектор экономики, жизненно необходимый (подобно кровеносной системе в организме развитых животных и человека) для нормального функционирования общества, был как бы оскорплен, лишен потенций для саморазвития. Это сыграло решающую роль в истории Востока. Возможности для нормального функционирования структуры были обеспечены, но саморазвитие ее оказалось приторможенным: государство и аппарат власти отказались предоставить частному собственнику соответствующее его экономическим возможностям место в социально-политической жизни общества. Именно с этого момента Восток и стал Востоком в полном и

завершенном своем виде. Это касается в первую очередь развитых государств древнего, средневекового, да и колониального Востока.

Развитых и тем более крупных государств на Востоке было не так уж и много. Их число в каждый данный момент истории исчислялось единицами, от силы немногими десятками. Не приходится говорить о том, что все они становились развитыми и крупными за счет многочисленных их соседей. А это означало, что все они были этнически гетерогенными, то есть включали в свой состав (не в качестве пленников-рабов!) немалое количество иноплеменных общностей, которые еще сравнительно недавно были самостоятельными государственными образованиями, включая сюда и различные структурированные племена. Иногда часть иноплеменных групп, особенно находившиеся на сравнительно низком уровне развития либо жившие в труднодоступных районах, ведшие специфическое хозяйство и сильно отличавшиеся своим образом жизни, оставалась на правах автономных окраин того или иного расширившего свои пределы большого агрессивного государства (типа Ассирии, империи Ахеменидов, Арабского халифата или императорского Китая) и даже имела своих прежних правителей. Однако и в этом случае все они считались подданными верховного повелителя (царя царей, падишаха, сына Неба) и находились под бдительным надзором его административного аппарата.

Практически это означало, что большое развитое государство и тем более империя нуждались в определенной силе и методах принуждения для удержания всех его разноплеменных подданных в строгом повиновении. Идеально, чтобы подданные при этом хорошо знали и понимали, что им можно и чего нельзя. Именно для этого и писались различного рода административные предписания, строгие государственные регламенты, в отдельных случаях, хотя далеко не везде, находившие свое выражение в форме свода законов. Объективная нужда в строгих регламентах, законодательных предписаниях и в административных мерах принуждения в рамках развитого государства с большим количеством разноплеменного населения, к тому же находившегося на различных ступенях развития, была очевидной. Помимо рабов из числа пленных, количество которых временами резко увеличивалось (затем их потомки сравнительно быстро ассимилировались, в худшем случае оставались неполноправными, типа старовавилонских мушкенумов из законов

Хаммурапи), в стране, уже знакомой с товарно-денежными отношениями, арендой и наемным трудом, появлялись и кабальные рабы, и рабы-преступники. Возникали, если судить по все тому же судебнику Хаммурапи, многочисленные и весьма разнообразные правонарушения, за которые полагалось то или иное наказание, порой казнь. Все это требовало институционализации судебной и пенитенциарной функций государственной администрации.

Вообще-то медиативные и даже пенитенциарные функции возникли очень давно. Их осуществляли по мере надобности еще выборные лидеры локальных групп, которые призваны были пресекать и гасить все возникавшие в группе конфликты и наказывать виновных. Аналогичные медиативные функции были у отцов-патриархов в рамках семейно-клановых групп, у старейшин общины и тем более у правителей прото- и ранних государственных образований, включая племена. В ряде случаев, как у древних евреев, судьи были даже авторитетами, выполнявшими функции формально отсутствовавших представителей власти. Но в любом случае медиация в обществах подобного типа была чаще всего функцией личного характера, восходившей к престижу и авторитету их обладателя. Существовали нормы обычного права, веками складывавшиеся порядки, которых все твердо придерживались и нарушение которых всегда и всеми осуждалось и соответственно подлежало наказанию со стороны коллектива. Все эти нормы со временем входили в формализованную этическую систему, санкционированную и освященную господствующей в данном социуме и государстве религией. Иными словами, имеются в виду преимущественно сравнительно небольшие отклонения от признанного образа жизни, которые подлежали наказанию, не нуждавшемуся в том, чтобы его осуществляли принудительно. Так бывало и в ранних государствах. Вспомним легенды о мудром Соломоне и его суде.

Теперь, в более развитом обществе, ситуация оказалась много сложнее. И именно для того, чтобы разрешать многочисленные споры на всех уровнях общества, равно как и для того, чтобы все подданные большого государства и всемогущей империи безоговорочно подчинялись слову высшего своего повелителя, возник безликий закон. Но этот закон никогда не имел ничего общего с частным правом Рима или вообще с законодательством во имя граждан, что было нормой в Европе со времен античности. Закон на Востоке всегда был

лишь нормативным регламентом, определявшим обязанности подданных, и кодексом наказаний для тех из них, кто нарушал нормы регламента. На Востоке с характерной для него командно-административно-распределительной структурой, принимавшей подчас облик закона, правительственный регламент был псевдонимом всеислия деспотической власти государства. И именно в этом коренная, структурная разница между традиционным Востоком и возникшей в его недрах в результате своего рода социальной мутации античной Европой.

13. Феномен античности и параллельные пути развития

Европейский древний мир в лице крито-микенской культуры или воспетых великим Гомером ахейских греков был периферией Востока, с цивилизацией которого он был крепко связан множеством корней. Влияние Финикии с ее развитыми торговлей и мореплаванием, с ее колониями сыграло свою роль в трансформации греческого мира в постгомеровскую эпоху. Огромное влияние в сфере культуры и институтов оказывал на предантичных греков Египет. Однако всего этого было бы мало для того, чтобы место прежней микенской и так называемой гомеровской Греции заняла Греция античная. Здесь сыграло свою решающую роль сочетание многих уникальных факторов, почему и следует говорить о чем-то крайне специфичном и практически неповторимом.

Оставляя детали и споры специалистам, подчас именуя это неповторимое, очень похожее на своего рода социальную мутацию явление термином «архаическая революция» (революция есть нечто иное по сравнению с тем, что случилось в Греции XI—VI вв. до н. э.), важно заметить, что радикальные реформы Солона в Аттике в начале VI в. до н. э. были лишь проявлением, но никак не причиной тех труднообъяснимых (в попытках сделать это ожесточенно спорят между собой специалисты) перемен, которые сыграли столь важную, решающую роль в судьбах человечества. Причин и факторов, сыгравших свою роль в этом процессе, было много. Отсюда и результат: постсолоновская Аттика, а за ней и вся античная Эллада весьма и весьма существенно отличались даже от Греции ахейской,

гомеровской (хотя между обеими эпохами видна и определенная связь, преемственность), не говоря уже о крито-микенской.

Суть же различий между классическим Востоком (к которому, пусть подчас с оговорками, можно отнести не только крито-микенскую государственность, но и города-государства, которыми управляли главные герои Илиады и **Одиссеи**) и античной Грецией в VI в. до н. э. (начиная с постсолоновской Аттики) заключалась в том, что появилось на свет общество, которое строило свои взаимоотношения не на принципе власти-собственности и вселили администрации (будь то на уровне общины, протогосударства или деспотической империи), а на основе гражданского самоуправления с ответственностью демократически выбранных руководителей перед избравшими их гражданами. Соответственно и в хозяйстве господствовал не генеральный принцип централизованной редиистрибуции при зависимом от чиновника статусе частного собственника, но свободный рынок и никем не ограниченная, даже, напротив, защищенная законом и огражденная частоколом прав и привилегий частная собственность граждан. Иными словами, для постсолоновской Греции, в отличие от традиционного Востока, была характерна развитая структура рыночно-частнособственнического типа. В этом и заключалось принципиальное отличие античной структуры от классической восточной, бывшей ее предшественницей и сыгравшей определенную роль в ее появлении на свет.

Нельзя сказать, чтобы восточный мир или европейская его периферия до времен Солона вовсе не была знакома с некоторыми элементами античной структуры, например с системой выборов. Как раз напротив, избирательная процедура примерно такого же типа, что и в античных полисах, сопутствовала, как о том уже шла речь, едва ли не всей ранней истории человечества, была знакома едва ли не любому обществу чуть ли не с первых его шагов. И не в том дело, что администрация в аттическом полисе типа Афин была не просто выборной, но выбиралась для того, чтобы служить интересам коллектива, это тоже было нормой для архаического мира Востока, и об этом тоже не раз уже упоминалось. Принципиальным отличием афинского полиса времен Солона и всей постсолоновской Греции стало превращение населения, жителей Афин, в частных собственников и свободных граждан, чьи права и привилегии гражданина и

собственника были ограждены и защищены выборной властью, опирающейся не на право централизованной редистрибуции и тем более не на произвол аппарата администрации, даже не на регламент типа законов Хаммурапи или Шан Яна, но на закон.

Важно специально подчеркнуть, что имеется в виду не закон в восточном его выражении, не регламент администрации (нечто в этом роде появилось позже и в античном мире, где оно именовалось публичным правом в отличие от основного, частного), но именно закон. Закон, обязательный для всех. Закон, на страже буквы которого стоит вся мощь государства. И наиболее важным, кардинальным нововведением Афин времен Солона было именно это. Можно сказать и сильнее: законодательно закрепив принцип равенства всех граждан перед законом (права гражданина, священную норму защищенных гарантиями частнособственнических отношений на свободном рынке), то есть создав систему институтов, способствовавших расцвету личности и творческих потенций индивида, независимого от власть имущих, античное общество нашло тем самым свой особый путь самоорганизации, принципиально противостоявший государству восточного типа.

Существенно оговориться, что речь не о том, что где-либо в другой части мира в аналогичной ситуации сравнительной отдаленности от великих империй и в благоприятных условиях замкнутости горных долин или островного архипелага другие общности не шли или в принципе не могли пойти по аналогичному пути. Не исключено, что подчас можно найти кое-какие аналогии где-то и в чем-то. Но уникальность античности — в ее комплексности. Именно здесь оказалось все то, что нужно для возникновения в исключительных обстоятельствах нового качества. Вот почему эта «архаическая революция» несла на себе зримые черты именно мутации, то есть чего-то уникально-неповторимого и в реальности не повторенного.

Собственно говоря, в этом смысле можно сказать, что именно в это время и в этой точке мира произошла великая бифуркация истории: единый и общий для всех, при огромном количестве конкретных вариантов, путь развития человечества, опиравшийся в качестве фундамента на принципы престижной экономики, власти-собственности, централизованной ре дистрибуции и административного произвола правящих верхов эффективно функционирующего деспотического государства, раздвоился. Или,

точнее, на едином общем для всех фундаменте в исключительных обстоятельствах аттической Греции выросло иное по едва ли не всем параметрам здание государственности античного типа. И этот своего рода «гадкий утенок» вырос в величественного лебедя, чьи потенции в принципе оказались не сравнимыми с теми, что предоставлял своим подданным традиционный Восток.

Очень важно подчеркнуть именно это последнее обстоятельство, сыгравшее исключительно важную роль в истории человечества. Дело ведь в конечном счете вовсе не в том, что в какой-то крохотной части древнего мира, на явной его периферии, сложилось общество весьма своеобразного типа. Такое случалось, и не раз, причем не только на небольшой территории. Достаточно в качестве примера вспомнить классическое индийское общество с его варново-кастовыми и общинными формами бытия, практически почти не нуждавшимися в государственном регулировании. Дело в том, что совершенно новая форма самоорганизации античного мира — аттический полис — привела к высвобождению индивида. Возник принципиально новый «вид» человека — Человек Свободный, с каким не был знаком традиционный Восток.

И это была не просто и фа природы, прихоть случая. Это была судьба, Судьба с большой буквы! Судьба потому, что раскрепощенный и освобожденный от векового гнета власть имущих человек не просто воспрял духом и оказался способен на многое, но получил объективные возможности для раскрытия всех своих потенций, прежде всего энергии, инициативы, предприимчивости. Нельзя сказать, что ничего этого не было у способных людей на традиционном Востоке. Напротив, там бывало все. Но структура Востока была устроена таким образом, чтобы гасить эти проявления природы или направлять их в такое русло, где они служили бы интересам государства. Античная же форма самоорганизации общества породила иного типа государство, призванное служить интересам граждан, отстаивать нормы права, свято блюсти закон. И далеко не случайно римляне, знакомые (как и греки) с тиранией и даже империей, породили такую форму государства, как республика (буквально — «общее дело»).

Итак, начиная с VI в. до н. э. исторический процесс, шедший до того, при всех конкретных его вариантах, со всевозможными опережениями и отставаниями, отходами в сторону и реверсиями, в

принципе единым общим путем, раздвоился. Произошло нечто подобное выделению в ходе эволюции гоминид вида *Homo sapiens*, а также отодвинувшей в сторону всех собирателей и охотников неолитической революции или возникновению в зонах урбанистической цивилизации первичных протогосударственных образований. Иными словами, произошел качественный скачок принципиального характера, изменивший ход истории. Правда, в отличие от первых трех радикальных перемен, новое качество, появившееся в виде античности, не оттеснило решительным образом в сторону, на обочину истории, все то, что существовало до него. Вообще стоит заметить, что по мере развития человечества такого рода вытеснение становилось с каждым очередным этапом радикальной эволюции (мутации) все менее полным.

Если следов досапиентных людей давно уже нет (эти гоминиды вымерли, видимо, несколько десятков тысяч лет назад, хотя в их существование до сих пор верят энтузиасты поисков так называемого снежного человека), то первобытные коллективы охотников и собирателей существуют и в наши дни, пусть на далекой и труднодоступной периферии, но все же в немалом количестве, как о том свидетельствуют, помимо всего прочего, неустанные поиски и публикации антропологов. Что же касается неолитических земледельцев, не достигших в своем развитии уровня государственности (хотя бы в самой начальной ее форме), то их еще больше, причем многие из них, обогатившись за счет частичного заимствования более развитых элементов производства и культуры, не только вполне комфортно существуют, но подчас и по-своему процветают. Практически это означает, что с каждой новой ступенью эволюции преодолеваемое старое качество оказывается более жизнеспособным, чем на ступени предыдущей. Тем более это касается сложных взаимоотношений между развитыми государствами и высокими цивилизациями Востока и Запада.

Речь идет, таким образом, о том, что великая бифуркация, породившая античный феномен и создавшая ситуацию параллельного развития двух принципиально различных социальных, экономических, политических, цивилизационных и т. п. структур, на сей раз не противопоставила жестко друг другу обе эти структуры. Напротив, устроила нечто вроде соревнования между ними, соревнования на выживание и доказательство своего безусловного —

или относительного преимущества. Собственно, вся последующая история человечества была такого рода соревнованием, вначале в условиях отдельного и почти не соприкасающегося (правда, сравнительно недолгого — до греко-персидских войн) параллельного развития, затем в виде противостояния, войн, завоеваний и нашествий, то есть непрерывного взаимовлияния с различными результатами, и, наконец, уже в позднем средневековье, в постренессансную эпоху, связанную с генезисом капитализма в Европе и Великими географическими открытиями европейцев, в форме колониальной экспансии и вынужденной трансформации и модернизации традиционного Востока.

В этом соревновании Запад обычно всегда лидировал, ибо обладал несомненными сущностными, структурными преимуществами перед традиционным Востоком. Параллельное развитие античности и традиционного Востока уже в первые века после Солона продемонстрировало впечатляющие возможности новой структуры. Скучные земли и небогатые природные потенции Эллады оказались умело использованными энергичными и предприимчивыми гражданами античных полисов. Были созданы колонии на плодородных землях Средиземноморья и Причерноморья, налажены торговля и мореплавание, причем настолько успешно, что древние торговцы и мореплаватели-финикийцы оказались при этом оттесненными на задний план. Правовые нормы, стоявшие на страже развития каждого индивида (во всяком случае, из числа свободных граждан) и способствовавшие использованию всех его потенций, вызвали взрыв античной мысли, расцвет творческих способностей древних греков. Классические архитектурные формы градостроительства, особенно в Афинах, безукоризненный вкус мастеров скульптуры, античные драма и трагедия и расцветший с ними театр — все это было результатом творческой свободы поиска выдающихся людей, чей талант не был чем-либо скован и, во всяком случае, никак не зависел от прихоти или приказа власть имущих, как то сплошь и рядом случалось на Востоке. Разумеется, и традиционный Восток мог гордиться своими мастерами, возводившими египетские пирамиды или Великую стену, своим героическим эпосом и впечатляющими поисками мыслителей. И далеко не всегда мастера восточной культуры работали на потребу власть имущих. Но вот выйти за пределы традиции этим мастерам, обычно скованным

давным-давно санкционированной нормой, чаще всего жестко обусловленной господствующей религией, было практически невозможно. Им не хватало главного — свободы творчества, как и вообще свободы.

Свобода была важнейшим завоеванием афинян, а за ними и всех остальных, или почти всех остальных (вопрос со Спартой достаточно сложен в этом смысле), греков. И хотя пределы этой свободы тоже не были безграничны, можно вспомнить в этой связи выпившего чашу с ядом великого Сократа, все-таки главным отличием греков вообще и талантливых мастеров Греции в частности от их коллег на Востоке была именно свобода, в том числе и практически полная (пусть даже не вовсе безграничная) свобода творчества. Именно эта свобода лежала в основе всех великих достижений античных греков. В жесткой формулировке мы вправе противопоставить эту свободу несвободе деспотического Востока.

Традиционный Восток был очень разным, и поэтому термин «деспотический» требует некоторых пояснений. Речь вовсе не идет только о произволе власти и всеилии могущественного тирана на троне или чиновников на местах. Гораздо большую роль играла несвобода духа, незнакомство со свободой как с правами и гарантиями индивида в принципе. Индия, например, почти не ощущала, во всяком случае в рамках традиционной общины, вмешательства власти, а в Китае власть, опиравшаяся на доктрину Конфуция, постоянно декларировала свою заботу о подданных и почтение к добродетели. Но жесткий регламент общинного быта, опиравшийся на кастовое неравенство, с лихвой восполнял слабости традиционного индийского государства, а декларации власть имущих в Китае никогда не мешали тому, что каждый китаец был не менее жестко, чем индеец, а в чем-то и еще жестче, скован нормативной традицией, не позволявшей даже думать о такой свободе, которой обладали античные граждане. Поэтому, противопоставляя свободную античную Грецию деспотическому Востоку, следует иметь в виду прежде всего несвободу духа и жесткость нормативной традиции и лишь в последнюю очередь государственный деспотизм как таковой.

Итак, с одной стороны, демократический полис с гарантиями прав и свобод граждан, а с другой — жесткая нормативная традиция, чаще всего не только санкционированная религией (в случае с Китаем — конфуцианством), но и надежно закрепленная деспотизмом власти. И

если Индия и Китай были от античных греков достаточно далеко, чтобы не только судить и сравнивать, но и вообще знать о них что-либо достоверное, то персидская империя Ахеменидов, распространившая свою власть со времен завоеваний Кира II Великого (середина VI в. до н. э.) практически на весь Ближний Восток, включая и Египет, находилась рядом с греками, так что им было с кем себя сравнивать. И хотя как раз сильной религии у персов во времена Ахеменидов не было (какую роль играла уже существовавшая в те века зороастрийская религия древних персов, до сих пор остается загадкой, существуют лишь некоторые предположения на этот счет, не более того), верховная власть персидских правителей была олицетворением восточного деспотизма. Неудивительно поэтому, что в сочинениях древнегреческих авторов свободные греки, как правило, противопоставлялись империи рабов, каковыми выглядели в глазах эллинов все подданные персидских правителей.

У греков-граждан были свои рабы, частично из чужестранцев, частично из числа тех же греков, завоеванных или попавших в плен. Существует даже представление, будто вся великая греческая культура возникла и во всяком случае процветала благодаря рабскому труду. Это, однако, пропагандистский миф, в свое время охотно поддерживавшийся склонным к игре на классовых противоречиях марксистским истматом. На самом деле рабов было не слишком много, и, хотя они и помогали своим хозяевам в работе на полях и по дому, исполняя подчас самые тяжелые работы и не имея при этом не только гражданских, но порой и вообще никаких прав, все же не на основе их труда развивалась античная Греция. Она процветала за счет труда прежде всего самих граждан, что и давало этим самым гражданам основание видеть принципиальную разницу между ними и их строем, их структурой, с одной стороны, и персидской империей с ее структурой и ее подданными-рабами («поголовное рабство» по Гегелю и Марксу) — с другой.

Если поставить вопрос, было бы тем не менее очевидным преимущество античных греков (а затем и их преемников-римлян) перед их восточными братьями и если было, то в чем именно, то проблема отнюдь не сведется к труду рабов. И античные рабы трудились, как следует полагать, не слишком эффективно, ибо никогда не были заинтересованы в плодах их труда, и подданные восточных правителей все-таки не были рабами в полном (античном) смысле

этого слова и потому имели определенный интерес к плодам своего труда. Что же касается уровня производственного развития, техники и технологии, опыта и навыков трудившихся на полях, в ремесле или строительстве людей, то они были в те древние времена примерно одинаковыми, во всяком случае там, где уже сложились очаги урбанистической цивилизации и существовали устойчивые государственные образования. Поэтому разницу следует искать в другом.

Собственно, ее не нужно и искать, она очевидна, она на поверхности. Античные греки не были жестко скованы нормативной традицией, обладали высокой степенью свободы мысли, творчества, поиска и потому были склонны к экспериментам, порой к радикальным нововведениям, к переменам во всех сферах своего существования. И именно эта независимость (пусть даже не абсолютная, относительная) от оков нормативной традиции в сочетании с привитой античным грекам свободой была залогом их динамичного развития и впечатляющих успехов во всех областях их культуры. Если для традиционного Востока всегда была нормой тенденция к консервативной стабильности, то для античных греков, а затем и римлян характерными были именно динамичное развитие и постоянное стремление к новому. Но почему традиционный Восток был консервативен?

Здесь снова надлежит вернуться к Востоку и сказать еще несколько слов о его уже сложившейся к моменту возникновения античности и устойчиво сохранявшейся и впредь на протяжении тысячелетий структуре, той самой командно-административно-распределительной, которая в общих чертах уже не раз упоминалась и характеризовалась. К чему сводилась ее суть и как она воздействовала на хозяйство и общество больших восточных государств на протяжении тысячелетий ее активного функционирования (в большинстве случаев вплоть до наших дней)?

14. Традиционный Восток: государство и общество

До начала процесса приватизации во всех восточных государствах существовала лишь одна форма ведения хозяйства — общинно-государственная, та самая, что бросается в глаза при первом взгляде на Восток едва ли не в любую эпоху и которая была достаточно адекватно оценена в свое время Марксом (имеется в виду

его «азиатский» способ производства). Сущность ее сводится в самых общих чертах к тому, что коллективы производителей относятся к ресурсам и средствам ведения хозяйства как к своим, то есть реально владеют ими, тогда как распоряжаются от имени коллективов их общим достоянием возвысившиеся над ними руководители, от главы семейно-клановой группы до императора. Существует немало различных модификаций того, как все это осуществлялось на практике в заброшенной в горах группе общин, на островах и архипелагах, в замкнутой долине Нила или на широких просторах Западной Азии и Китая, не говоря уже об Индии, уникальность которой неоднократно отмечалась. Но в любом случае все это модификации единой общей для всех структуры.

Материальным выражением всеобщего признания генеральной структуры в целом была всегда и везде выплата коллективами производителей определенной доли труда и продукта (теоретически можно именовать эту долю избыточной, не забывая, однако, об условности понятия «избыточный»), что с точки зрения политической экономии было еще А. Смитом охарактеризовано как рента-налог. Имеется в виду слияние налога как законного дохода государства для выполнения им его общезначимых функций и той ренты, которую в данном случае то же государство (а не частный собственник) взимало с подданных в качестве верховного собственника, то есть субъекта власти – собственности. Эта рента-налог и была тем совокупным доходом власть имущих, за счет которого все они безбедно существовали. В зависимости от титула, ранга, должности, родственной близости к правителю и некоторых иных обстоятельств каждый получал из государственной казны то, что ему полагалось, причем именно это и было централизованной редиистрибуцией. За этот же счет, помимо прочего, существовали также многочисленные слуги и рабы, мастера-ремесленники и торговые агенты, наконец, просто домочадцы и приживалы в домах власть имущих (опять-таки строго в зависимости от должности, ранга и прочих позиций их хозяина).

Не следует считать подобного рода перераспределение совокупного общественного дохода чем-то вроде эксплуатации трудящихся. Напротив, это был объективно разумный результат исторически сложившегося и крайне важного для существования разросшегося государства обмена деятельностью. Низы трудились, верхи управляли — на этом держалась вся долгими тысячелетиями

складывавшаяся структура традиционных восточных обществ. Каждый из многочисленных социальных слоев, каждая из категорий подданных делали свое дело и были необходимы для нормального функционирования социально-политического организма в целом. И хотя при этом самые верхи порой получали, быть может, чересчур много за свой общественно необходимый труд, то есть буквально купались в роскоши (разумеется, если общество было достаточно богатым, чтобы обеспечить их этой роскошью, для чего, между прочим, нужны были и успешные войны или умелые политические акции все тех же власть имущих, которые, таким образом, ели свой хлеб, то есть пользовались роскошью строго в соответствии с количеством и, главное, качеством своего труда), говорить об эксплуатации и даже неэквивалентном использовании общественного достояния нет оснований. Нет прежде всего потому, что неведома норма, которую следовало бы считать эквивалентом. Нет нормативного регламента, отчетливо регулировавшего такого рода норму. А рассуждать, исходя из постулата о справедливости и равенстве, непродуктивно хотя бы потому, что постулаты подобного рода, как о том уже шла речь, не могут считаться продуктивными именно с точки зрения существования разумно организованного и стабильного государства и общества, о чем сейчас идет речь.

Процесс приватизации, протекавший во всех ранних государствах Востока, заметно усложнил привычную структуру, хотя и в принципе не поколебал ее. Изменения привели к тому, что после появления товарно-денежных отношений и рыночного обмена отношения собственности (наемный труд, земельная аренда, работа ремесленников и торговцев, прежде исполнявших только государственный заказ, на рынок, наконец, ростовщичество и долговая кабала) заставили власть имущих приступить к строгому регулированию новых форм хозяйства. Частная собственность новыми регламентами была санкционирована, но везде с ограничениями, в сильно урезанном виде, без прав и гарантий и под бдительным надзором со стороны государственных чиновников. В результате частные собственники на Востоке, даже будучи очень богатыми, никогда не были полностью свободными в своих действиях и, более того, всегда были зависимыми от власти. Из легализации частной собственности наибольшую выгоду извлекли опять-таки социальные верхи, которые путем угроз и повседневного контроля

заставляли разбогатевших простолюдинов отдавать им часть своих доходов. А если эти доходы оказывались настолько крупными, что из-за них теряла свои привычные поступления казна (скажем, вследствие разорения части общинников, становившихся арендаторами, и невыплаты арендодателями, дающими чиновникам взятки или пользовавшимся налоговым иммунитетом, полной нормы налогов), то государство не останавливалось перед тем, чтобы время от времени обрушиваться на частных собственников с репрессиями и просто конфисковывать чересчур крупные состояния, благо за предложением для этого в условиях отсутствия прав и гарантий далеко ходить не было нужды.

В итоге частная собственность и рынок заняли свое скромное второстепенное и зависимое от власти имущих место в системе народного хозяйства. Ни собственность, ни рынок на Востоке никогда не были свободными и уже по одной этой причине принципиально отличались от того, что было в Европе со времен античности. Мало того, не имея прав и гарантий и нередко находясь в состоянии конфликта с окружающим их населением, видевшим в богатых простолюдинах главным образом стяжателей, частные собственники сильно зависели от властей как своего рода гаранта самого их существования. В случае обострения социальных кризисов и ослабления власти и особенно в моменты восстаний и крестьянских войн, которые особенно часто случались в Китае с его воспитанным конфуцианством обостренным чувством социальной справедливости, частные собственники, как и нерадивые чиновники, оказывались в первую очередь под ударами восставших. Именно их дома и хозяйства грабили и жгли особенно охотно. Поэтому частные собственники были объективно заинтересованы в процветании той самой власти, которая жестко их контролировала и беззастенчиво грабила, но зато охраняла от ярости народной.

В итоге есть основания сказать, что частнособственническое хозяйство и рынок на традиционном Востоке были лишены внутренних потенций для эволюции — тех самых потенций, которые имели и проявили частная собственность и свободный рынок с их приоритетом, правами и гарантиями в античной и тем более в постренессансной Европе. Соответственно на Востоке не сложился и класс (выражаясь марксистскими терминами) частных собственников. Частные собственники (если они не были как-либо причастны к

власти), сколь богатыми и влиятельными бы они ни были, всегда оставались обычными подданными государства и находились в социальном слое простолюдинов, статус которого всегда был ниже статуса людей государственных, даже простых воинов, имевших за службу скромный служебный надел или право на налог с определенной территории. Эта ситуация вплотную сталкивает нас с проблемой социальных слоев на традиционном Востоке.

Известно, что сам Маркс, автор идеи классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, не видел на Востоке (включая современный ему) не только европейского типа частной собственности, но и классов. Во всяком случае, он ни разу ни в одном из десятков своих томов об этом не упомянул, хотя о Востоке вспоминал и писал не так уж мало. Тот же Маркс, как упоминалось, видел на Востоке лишь два социальных слоя — производителей (община) и управителей (государство в лице аппарата власти). На деле слоев было больше, но главными были именно те, о которых упоминал Маркс. Можно выделить три социальные группы, каждая из нескольких слоев. Это управители (правитель и его окружение, министры и чиновники, жрецы и воины), производители и труженики (крестьяне, ремесленники, мастера-строители, торговцы), слуги (домашняя обслуга власть имущих, включая поваров, лакеев, псарей, конюших, садовников и т. п.), слуги-помощники при исполнении хозяином его должности, включая лично преданных и способных рабов, а также рабы в домах простолюдинов, обычно являвшиеся младшими членами семейно-кланового коллектива.

Особо можно вести речь о рабах-преступниках, использовавшихся на тяжелых работах. Обычно это те же простолюдины, но иногда и власть имущие, и нерадивые слуги, осужденные за преступления. Иными словами, это все тот же — третий — слой рабов и слуг. Их, основных социальных слоев, таким образом, как упоминалось, только три, причем среди них нет места для частных собственников и богатых простолюдинов. Они включаются в те группы, откуда произошли. Если это разбогатевший крестьянин, сдающий земли в аренду и наживающийся на этом, он остается крестьянином и должен платить увеличенные налоги (хотя на деле, как говорилось, не всегда это делал). Если это разбогатевший горожанин, ремесленник или торговец, а то и отпущенный хозяином на оброк расторопный слуга или раб, то он и остается среди соответственно ремесленников,

торговцев и слуг (рабов), только в последнем случае налоги платит как бы от имени своего хозяина, который несет за него ответственность и получает оброк, как то бывало, в частности, в халдейском Нововавилонском царстве.

Иными словами, частных собственников как особого социального слоя на традиционном Востоке никогда не было, в основном потому, что не было частной собственности как структурообразующего института, как то имело место в античном и тем более капиталистическом обществе, где именно частная собственность, на что особенно делал в свое время акцент Маркс и что легло в основу большевизма, была будто бы тем непреодолимым барьером, который делил общество на антагонистические классы. Здесь существенно добавить к сказанному, что не только частные собственники как группа имущих, у которых всегда было что взять, но и все остальные социальные слои на традиционном Востоке были бессильными и бесправными перед лицом всесильного аппарата власти. И именно для компенсации этого явно нарушавшего баланс стабильности обстоятельства на Востоке получили особое развитие социальные корпорации.

Речь идет о крепко спаянных семейно-клановых коллективах и разросшихся кланах, о деревенской общине с ее веками сложившимися формами самоуправления, о землячествах и цехах в городах, о кастах и религиозных сектах, различного рода тайных и иных замкнутых обществах единомышленников. Все эти корпорации, крепко спаянные внутренней дисциплиной и патронажно-клиентными отношениями, выступали перед внешним миром как нечто цельное и единое, действующее по классическому принципу «один за всех и все за одного». Будучи созданными для защиты от произвола внешних сил, включая и аппарат власти, социальные корпорации на Востоке гармонично вписывались в генеральную структуру и даже оказывались полезными государству. Тот же аппарат власти предпочитал не вникать во внутренние дела корпораций, оставляя руководство ими, включая и медиативные функции в случае незначительных проступков, на долю глав корпораций, которые в свою очередь служили неким гарантом выполнения членами корпораций их функций, включая и важнейшие из них — налоги, воинскую и трудовую повинности и т. п. Спецификой корпораций было объединение в их рамках богатых и бедных, знатных и

простолюдинов, производителей и по меньшей мере некоторых из власть имущих. Создавалось представление об общих корпоративных интересах, тех самых, влияние которых всегда было заметно и даже благотворно на Востоке, а сегодня, в частности, особенно видно на примере образа жизни и организации фирм и всего производства в современной Японии, где люди поступают на работу обычно лишь раз в жизни и за свою верность фирме неплохо вознаграждаются.

Все эти веками складывавшиеся и отработывавшиеся самой жизнью формы самоорганизации восточных обществ не только смягчали произвол деспотической власти, но и создавали выгодный и власти, и народу устойчивый баланс сил. Неудивительно поэтому, что выше всего на традиционном Востоке всегда ценилась консервативная стабильность. Как правило, никто никогда не был заинтересован в ее нарушении. Всех — и власть имущих, и рядовых производителей, и нашедших свое место рядом с хозяином его слуг и рабов, и даже разбогатевших частных собственников, всегда обеспокоенных судьбой своего дела и имущества, — устраивал образ жизни, который они вели. И более всего все они боялись перемен, ибо перемены, как свидетельствовал опыт, всегда не просто влекли за собой нестабильность и элементы деструкции, чего в любом случае следовало избегать, но и бывали чреватые серьезными катаклизмами.

Более всего перемен следовало ожидать от неконтролируемого и непредсказуемого рынка, от стихии частнособственнических отношений, что не в последнюю очередь играло свою роль в жестком контроле власти за рынком и собственниками. Разумеется, сказанное не означает, что восточное общество вовсе избегало новаций. Новое приходило и находило свое место, общество развивалось и даже совершенствовалось за счет его адаптации. Но, во-первых, все новое воспринималось и тем более адаптировалось лишь после многократной и тщательной проверки его самой жизнью, ибо оно должно не только быть совместимым с существующим порядком вещей, но и служить его упрочению. А во-вторых, новации именно вследствие жестких предъявлявшихся к ним требований внедрялись не только весьма избирательно, но и крайне медленно, к тому же обычно в весьма незначительных размерах. Это и служило одной из основ консервативной стабильности традиционного Востока. Это и было одним из принципиальных отличий консервативного Востока от динамичного Запада.

15. Государство и общество в античном мире

Государства и общества в античной Греции с ее сравнительно небольшими полисами и царствами и в Риме, со временем разросшемся до великой империи, известны читателю намного больше и лучше, нежели восточные. Со средней школы он знает достаточно много о формах организации общества и характере государства в античной Европе. Главное, на что обычно делался акцент в истматовских построениях, опиравшихся в качестве основного источника для характеристики древности именно на европейскую античность, была та самая частная собственность, которую, что называется, днем с огнем приходилось искать вне Европы. Именно она, ничем не ограниченная и официально признанная, закреплённая в обычном праве и законодательных актах, издревле имевшая свой высокий статус, права и даже привилегии, лежала в фундаменте генеральной структуры античных полисов и играла свою очень важную, во многом определяющую всю античную структуру роль по меньшей мере со времен Солона, во всяком случае в Аттике, в Афинах.

Господство частной собственности означало свободу рыночных связей собственников, каждый из которых был прежде всего производителем, то есть так или иначе, но агентом рынка, на котором он продавал произведенные им продукты и покупал все необходимое. Хозяйство в античной Греции в силу особенностей произрастающих на земле Эллады сельскохозяйственных продуктов (преимущественно садоводческих — оливки, виноград и т. п., и в гораздо меньшей степени злаковых) и высокого качества производившихся ее мастерами ремесленных изделий, было высокотоварным и поэтому уже с раннего времени нуждалось именно в рынке, в том числе в заморском, колониальном, обзавестись которым и было одной из главных забот обычно небольших гражданских обществ (полисов) и обслуживавшей их интересы государственной власти в их рамках.

Стоит специально подчеркнуть, что власть в греческих полисах была, в строгом соответствии с известными постулатами марксизма и истмата, не только послушным орудием в руках класса собственников, в который, к слову, входило большинство населения (истмат обычно это не замечал, даже извращал), но и весьма удобным, вполне надежным инструментом в руках этого класса. Собственно говоря, власть в греческих полисах была формой самоорганизации этого

самого большинства, то есть граждан, полноправных членов полиса. Интересов рабов эта власть обычно никак не выражала. Более того, она строго стояла на страже интересов их владельцев, уже упомянутых граждан и собственников. Но коль скоро эти последние обычно составляли подавляющее большинство населения (структура Спарты была специфичной и явно не вписывалась в общие для древнегреческих полисов рамки), то неудивительно и даже естественно, что удобная для этого большинства форма самоорганизации была государством граждан, собственников и рабовладельцев. Это как бы само собой разумелось: большинство свободных и полноправных граждан создало удобную для него власть, что не гарантировало социальной справедливости, зато обеспечивало интересы все того же большинства. В этом, если угодно, смысл античной демократии, заметно отличной, скажем, от современной американской с ее явным уклоном в сторону законодательной защиты интересов различных меньшинств.

Созданная в полисах власть была ограничена в своих властных функциях и строго контролировалась электоратом. И хотя сам электорат не был, как правило, единым (в его составе обычно отчетливо выделялись знатные и богатые аристократы, с одной стороны, и обычные граждане с другой), он, тем не менее, всегда строго стоял за жесткий контроль над выборными народными представителями, олицетворявшими делегируемую им гражданами власть и опиравшимися при этом порой на принуждение, осуществлявшееся государственными служащими. К слову, статус этих служащих, особенно выполнявших функции полицейских, обычно был низок (штат их чаще всего набирали из рабов, причем средний афинянин обычно предпочитал дать возможность рабу арестовать себя в случае необходимости, нежели самому идти служить полицейским).

Афинская демократия в постсолоновское время быстро развивалась и обросла множеством важных и ценных процедур, служивших делу ее укрепления. Был строго разработан процесс выработки новых законов. Четко определилась роль «совета пятисот», своеобразного афинского протопарламента. Тщательно совершенствовалась процедура голосования. Высоким авторитетом пользовался суд присяжных, члены которого отбирались по жребию и приносили клятву судить по закону и справедливости. Показательно,

что, хотя рабы, метеки (чужестранцы, то есть неафинцы) и все женщины были лишены избирательных прав, так что в этом смысле афинская демократия была демократией явного меньшинства, большинство обычно энергично поддерживало политически активных граждан и вообще весь афинский демос в его борьбе против политических противников из числа стремившихся к олигархии аристократов. Иными словами, подавляющее большинство афинян стояли за демократию и высоко ценили ее.

Разумеется, афинская демократия была образцовой, своего рода непревзойденным эталоном, на который многие в той же Элладе равнялись. Однако и другие полисы имели развитую систему демократического управления, на фоне которой Спарта и некоторые подобные ей государственные образования с их резкой поляризацией на господствующее меньшинство и закабаленное большинство (спартиаты и илоты) были лишь исключением. В целом же античная Греция, по сравнению со стадияльно предшествовавшим и современным ей традиционным Востоком, представляла собой принципиально иную форму самоорганизации общества, оказавшегося на пороге возникновения надобшинных политических структур. Основная специфика этого своеобразия, качественное отличие античных полисов от древневосточных государств заключалась, как уже шла речь, в том, что государство здесь не было аппаратом власти, базирующимся на принципах власти-собственности и централизованной редиистрибуции, не было инструментом господства правящего высокопоставленного меньшинства над абсолютным большинством бесправных подданных в рамках деспотической административно-политической структуры. Оно было, как упоминалось, удобным и умело сконструированным средством управления разросшимся и усложнившимся коллективом граждан-собственников во имя интересов и ради общего блага именно этого коллектива.

Античная Греция, как известно, передала эстафету Риму. Греческие полисы-колонии в Италии сыграли при этом, насколько можно судить, свою роль. Римское общество состояло из коренных граждан-общинников (аристократов-патрициев) и неполноправных пришельцев (плебеев), которые, однако, наравне с патрициями пользовались, по меньшей мере вначале, общей землей (*ager publicus*) и, в отличие от бесправных клиентов и рабов, считались народом, то

есть участвовали в народных собраниях и имели право голоса при выборах сената (совета старейших) и царя, правда, из числа патрициев. Наравне с патрициями плебеи несли воинскую службу и имели ряд других прав, а длительная борьба плебеев за равенство с патрициями в сфере гражданских прав привела в конечном счете к успеху: наряду с выборными консулами из патрициев, управлявшими Римской республикой после ликвидации царской власти в конце VI в. до н. э., стали выбираться народные трибуны, выражавшие интересы плебса.

Кодификация правовых норм с последующей детальной разработкой частного права была решающим вкладом римлян в развитие античной республиканской демократии, стоявшей на страже интересов граждан-собственников со всеми их сословными, имущественными и иными различиями. Рабов в Риме, равно как и иных неравноправных социальных групп, не приравненных к гражданам (клиенты, позже также вольноотпущенники и колонны), было много, едва ли не больше, чем в античной Греции. Однако не за их счет, хотя и за счет их труда тоже, жил и процветал Рим. Главным образом он жил за счет труда своего рода среднего сословия, мелких земледельцев, имевших землю и распоряжавшихся ее плодами. Только немногие богатые, в основном из числа патрициев, владели крупными участками земли, виллами и латифундиями с работавшими там многочисленными рабами.

Рим как государство существовал за счет налогов с граждан-собственников. Правда, трудились далеко не все. И речь не идет об аппарате управления: в отличие от обычного восточного, он был невелик, причем верхи его регулярно переизбирались, а служащие аппарата администрации не обладали слишком большой властью и, в частности, не могли жить за счет незаконных поборов и тем более произвола. За счет общества, в том числе и труда рабов, если уж на то пошло, жили другие — в основном безземельные плебеи, имевшие права граждан, но лишенные имущества и потому превратившиеся в пролетариат, громкими криками всем напоминавший о себе («хлеба и зрелищ!»).

В I в. до н. э., столкнувшись с рядом тяжелых внутренних кризисов, попыток радикальных реформ (борьба братьев Гракхов за перераспределение *ager publicus* в пользу малоимущих и неимущих), восстаний рабов и политических схваток рвавшихся к диктатуре честолюбцев, Рим становится ареной ожесточенной борьбы за власть,

завершившейся возникновением империи. Созданию империи способствовала и объективная необходимость наладить централизованное управление обширными завоеванными территориями, захваченными Римом в результате многочисленных войн. Но диктаторские права императоров входили в резкое противоречие с традициями республики. И если первые императоры, особенно Октавиан Август, пытались еще как-то согласовать позицию императора с республиканскими институтами власти, то их преемники (особенно одиозны среди них Нерон и Калигула, пренебрегавшие демократическими традициями и отличавшиеся кровавыми расправами с неугодными) уже открыто заявляли о своем праве единолично управлять гигантской империей.

Казалось бы, это ставило Рим в один ряд с восточными империями. Однако такой вывод был бы в корне неверным. Рим, даже став империей и отличаясь тиранией и своеволием убийц в царственных коронах, оставался античной структурой, то есть государством с господством рыночно-частнособственнической экономики, с уважением к правам граждан и собственников. Пусть эти права временами бесцеремонно и нагло попирались, они оставались при этом, однако, всем известной, высоко ценимой и общепризнанной нормой. Этот феномен можно сопоставить с зеркально-аналогичным ему на Востоке. Во многих восточных странах временами приходили к власти достойные правители, для которых высшим смыслом жизни было благо их подданных, но это в конечном счете никак не отражалось на результатах, ибо результаты зависели не от доброй воли или произвола правителя, но от той структуры, что господствовала в данном обществе и обростала соответствующими институтами и традициями, воспринимавшимися общественным сознанием и становившимися непреклонной, общепризнанной нормой жизни. Иными словами, Рим даже при императорах-тиранах оставался античной структурой, для которой были свойственны и гражданское общество, и господство правовой нормы, и свободный рынок, и уважение к защищенной государством частной собственности, и республиканские формы правления, и демократические процедуры, и еще многое из того, чего не было и просто не могло появиться на Востоке.

Как известно, Римская империя рухнула в V в. под ударами варваров: германцев (готы, вандалы), гуннов и др., а в качестве ее

преемников формально стали выступать как германские государства европейского средневековья (Священная Римская империя), так и Византия (Восточная Римская империя), официальной государственной религией которой с IV в. стало христианство. Ни один из преемников, однако, не унаследовал главного — ту самую античную структуру, которая только что упоминалась. Она как бы канула в Лету вместе с крушением Рима, и лишь некоторые ее ростки со временем проросли на европейской почве и дали о себе знать тысячелетие спустя, в эпоху европейского Ренессанса. Но об этом несколько позже. Пока обратим внимание на то, как складывались взаимоотношения античных структур (Греции и Рима) с традиционным Востоком за тысячелетие их сосуществования. Эта проблема достаточно важна для понимания исторического процесса, и ей соответственно следует уделить специальное внимание.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОСТОК И ЗАПАД: ПОПЫТКИ СИНТЕЗА

16. Античная Греция на Востоке (эллинизм)

На протяжении почти двух тысячелетий (я имею в виду доренессансный период мировой истории), Восток и Запад как описанные выше структуры сосуществовали параллельно и сравнительно неподалеку друг от друга, постоянно соприкасаясь и испытывая взаимные влияния. Эти влияния играли определенную роль и оказывали огромное воздействие на развитие того либо иного народа или государства, иногда многих народов и государств. Но к чему в конечном счете вели взаимные контакты и даже длительное постоянное воздействие одной из вышеописанных структур на другую, принципиально от нее отличную? Вело ли это к какому-либо гармоничному и результативному синтезу?

Вопрос этот имеет принципиальное значение как с точки зрения описания и понимания процесса развития мировой истории вообще, так и особенно для верификации той историософской концепции, которая предлагается и разрабатывается в данной работе. Поэтому стоит обратить на него пристальное внимание и рассмотреть в трех отдельных главах очередной части работы конкретные примеры подобного рода интенсивного взаимодействия. Это тем более просто

сделать, что сама история поставила ряд своего рода экспериментов, смысл которых как раз и сводится к тому, чтобы ответить на только что поставленные вопросы.

Первым из такого рода исторических экспериментов была хорошо известная специалистам эпоха эллинизма или, точнее, судьба завоеванного Александром Ближнего Востока, включая и Египет. Как известно, создание в VI в. до н. э. в Западной Азии гигантской империи Ахеменидов привело к тому, что многие античные полисы греков, расположенные на малоазийском побережье, оказались под деспотической властью персидских сатрапов. На место демократии в этих полисах пришла тирания. С тиранией как формой власти античные полисы Эллады в принципе были хорошо знакомы. Время от времени в том или ином из них всю полноту власти захватывал честолюбивый выборный правитель, который обычно превращался во всесильного тирана, пренебрегающего давно разработанными демократическими нормами и процедурами. Обычно какое-то время население полиса бывало вынуждено с этим мириться, но рано или поздно тиран уходил из жизни, и вновь вступала в свои права полисная демократия.

Малоазийские полисы под властью персов превратились в части сатрапий во главе с тиранами, однако те же персы были вынуждены считаться с тем, что структура полисов специфична и что разрушение ее чревато далеко идущими негативными последствиями. А так как им, как и всем восточным правителям, было в конечном счете выгоднее собирать налоги с подвластных им территорий, нежели рушить их привычный образ жизни и создавать им и себе проблемы, то неудивительно, что полисы сохраняли автономию и жили под властью назначенных персидскими сатрапами тиранов своей привычной жизнью. Более того, уже по меньшей мере с V в. до н. э. высокая культура эллинов стала оказывать свое влияние на империю, особенно в сфере архитектуры и скульптуры. Однако господство персов наносило вред связям полисов с Элладой, что в свою очередь было чревато для них существенным экономическим ущербом. Последовал ряд антиперсидских выступлений, положивших начало длительному противостоянию греков и персов.

Греко-персидские войны V в. до н. э. хорошо известны из сочинений многих древнегреческих авторов, начиная с Геродота. Войны шли с переменным успехом, обеими сторонами было одержано

немало побед, происходили знаменитые, вошедшие в историю сражения, а главным итогом борьбы было то, что эллины отстояли свою независимость, а малоазийские полисы, оставаясь в числе подданных персидской империи, укрепили свои связи с Афинами (Делосский морской союз). По окончании греко-персидских войн персы, однако, продолжали активно вмешиваться во внутригреческие дела, оказывая, в частности, помощь более близкой им по внутренней структуре Спарте против Афин в ходе знаменитой Пелопонесской войны последней трети V в. до н. э., завершившейся победой Спарты.

Однако последовавшее за тем активное вмешательство Спарты во внутренние дела империи (армия греческих наемников пыталась помочь претенденту встать на престол, который, однако, погиб в сражении) резко ухудшило взаимоотношения Спарты с Ахеменидами. К тому же ослабившие Спарту столкновения с персами способствовали восстановлению могущества Афин в Элладе. Вновь возобновилась гражданская война, и этим снова попытались воспользоваться персы. Угроза Элладе со стороны империи Ахеменидов в середине IV в. до н. э. становилась все реальнее. Это был открытый вызов античному миру, который, однако, пока не готов был дать на него адекватный ответ. Спасение пришло с севера Эллады, из Македонии.

Македония долгое время была отсталой периферией эллинского мира. Лишь в середине IV в. до н. э., после прихода к власти царя Филиппа II, ситуация стала быстро меняться. Умело проведенные реформы усилили страну и укрепили ее армию, а хитрая внешняя политика позволила Филиппу отнять у Афин один из портовых полисов и тем самым обрести гавань на море и начать строить флот. Установив затем союз с Афинами и даже пригласив великого Аристотеля в качестве наставника своего сына Александра, Филипп стал искусно использовать в своих интересах внутриэллиньские распри. Преодолев сопротивление части афинян (влиятельные антимакедонские силы во главе со знаменитым Демосфеном опасались, что союз с Филиппом нанесет ущерб афинской демократии), Македония вскоре фактически возглавила общегреческий союз с его явно выраженной антиперсидской направленностью. Филипп стал главнокомандующим всегреческой армии и был уже готов выступить в поход, когда в 336 г. до н. э. был

убит. Греческую армию возглавил его сын Александр, который и начал в 334 г. до н. э. свой знаменитый поход против персов.

Десятилетний поход Александра Македонского завершился, как известно, не только полным разгромом персидской империи Ахеменидов, но и многими радикальными преобразованиями в образе жизни завоеванных греками и македонцами народов Ближнего Востока с его древнейшими центрами урбанистической цивилизации.

Сделав своей столицей древний Вавилон и настояв на том, чтобы многие из его сподвижников и ветеранов армии, получив богатые подарки и женившись на знатных азиатках, остались вместе с ним, Александр поставил своей главной целью сблизить античный мир с развитым и богатым Востоком в рамках гигантской мировой державы, которая должна была, по его представлениям, состоять как из восточных монархий, так и из греческого типа полисов. В то же время было совершенно очевидным, что монархии должны были сохраняться лишь как традиционная форма, не более того. Сущность новой мировой державы призвана была стать эллинской, то есть рыночно-частнособственнической, обрамленной демократическими институтами и процедурами, правами и гарантиями гражданина и собственника, свободной от повседневного вмешательства и тем более контроля со стороны властей и аппарата администрации. Иными словами, речь шла об эллинизации Востока.

На территории Востока было построено воинами Александра и сопровождавшими их греками-колонистами множество новых городов (по традиции их насчитывали до 70), в том числе Александрий (их в разных местах, от Египта до Самарканда, было около дюжины). Кроме городов, создавались еще более многочисленные поселения, в основном военные, типа крепостей-гарнизонов (кате-кии), с течением времени превращавшиеся, однако, в центры транзитной торговли и становившиеся рассадником эллинской культуры и полисной структуры. Оседавшие в городах и поселках греки, в основном ремесленники и торговцы, несли с собой не только богатый опыт развитых и обеспеченных правами и гарантиями, свободных от притеснений со стороны властей рыночно-частно-собственнических связей, но и высокую эллинскую культуру, свойственную грекам систему администрации, включая демократические институты и процедуры, принципы свободы граждан в их повседневной жизни и деятельности.

Скоропостижная смерть Александра в цветущем возрасте в 323 г. до н. э. от жестокой лихорадки поставила под вопрос мечты великого завоевателя о создании эллинизированной империи на покоренном' им Востоке. Однако его преемники, греки-диадохи, оказавшиеся волею судеб во главе восточных частей расколовшейся после смерти Александра огромной державы (Птолемей в Египте, Селевк в Западной Азии с центром в Вавилоне), не только не отказались от идеи эллинизации Востока, но, напротив, делали все именно для осуществления этой грандиозной цели. Главным смыслом их деятельности было создание некоей новой структуры, в рамках которой могли бы гармонично сочетаться как эллинские античные принципы рыночно-частнособственнических связей и демократических форм самоуправления, так и привычные для традиционного Востока формы, восходящие к принципам власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Именно к этому они стремились и именно в этом направлении активно действовали, создавая благоприятные условия для греческой колонизации Востока и одновременно предоставляя немалые льготы для местной правящей верхушки, жрецов и чиновников. И было сделано для всего этого в конечном счете не так уж мало. Многие изменилось в сфере центральной и местной администрации, преобразованной на античный лад. Серьезную роль в жизни общества стал играть преобразованный суд, опиравшийся, пусть частично, на античную практику судопроизводства. В качестве всем понятного языка стал использоваться диалект греческого койнэ, с помощью которого на Ближний Восток энергично проникали элементы греческой культуры, включая философию, науку, литературу, искусство, технику военного дела и многое другое.

Однако практическим результатом всех этих целенаправленных усилий стало лишь то, что вся территория эллинистических государств Востока оказалась как бы разделенной на две части. С одной стороны, это были эллинизированные города и поселения, имевшие статус полисов и внутреннее гражданское самоуправление, включавшие в свой состав окружающую их периферию и оказывавшие на нее немалое влияние. Эти вновь созданные города были населены не только греками и македонцами, но и этнически различными представителями местного населения, в основном из числа зажиточных ремесленников, торговцев и земледельцев, связанных с частнособственническим

сектором экономики. Здесь также жили придворная знать, большинство из числа служилого сословия, аппарата администрации и их многочисленной obsługi, в том числе рабов (рабство было, к слову, по-восточному мягким, предполагавшим сохранение за рабами определенных прав, прежде всего социальных и экономических) и вольноотпущенников. С другой стороны, это была гораздо более многочисленная хора, то есть хотя и включенная в состав эллинизованных округов, но реально практически не затронутая эллинским влиянием, территориально и культурно достаточно далекая от полисов и иных городских центров периферия.

Раздельное сосуществование полисов и хоры возникло само собой и было вполне отчетливым, а со временем оно приобрело характер достаточно резкого противостояния, причем уже не столько этнокультурного и цивилизационного, сколько социального: «эллинами» на эллинизованном Востоке начали именовать всех причастных к богатству и власти, влиятельных и привилегированных, в противовес массам простолюдинов, сельскому населению разноплеменной хоры, обычно именовавшемуся сводным греческим термином лаой. Отсюда и конечный результат, несмотря на то, что эпоха эллинизма длилась несколько столетий, на протяжении которых античное начало пускало все более глубокие корни в ближневосточную почву, традиционная хора мало это ощущала. Она жила по своим привычным восточным законам, надежно опираясь на давно сложившиеся и детально разработанные традиционные религиозно-этические нормы, составлявшие фундамент ее материальной и духовной культуры. В принципах античной свободы и самоуправления она не нуждалась, не говоря уже о том, что они были ей просто чужды. В итоге желанного македонцами и греками плодотворного синтеза не получалось. Вместо него создавалась ситуация искусственно сконструированного социально-политического, хозяйственно-экономического и цивилизованно-культурного симбиоза, который мог достаточно спокойно существовать до тех пор, пока этому способствовали внешние обстоятельства.

Как известно, эпоха эллинизма на Ближнем Востоке на рубеже нашей эры сменилась эпохой романизации, когда все те же эллинизованные территории стали объектом экспансии Рима и превратились в провинции Римского Востока. Затем наступил период

христианизации, связанный с политическим и религиозно-культурным влиянием Византии, выступившей на Ближнем Востоке в качестве наследника Рима. Все это тянулось вплоть до начала VII в., когда ближневосточные территории оказались объектом экспансии рабов. Если взять все эти периоды вместе (IV в. до н. э. — VII в. н. э.), то нельзя не поразиться тому, как долго Ближний Восток ощущал на себе серьезное, с сильным колонизирующим и культурно преобразующим импульсом влияние античности и вообще Запада и насколько легко, буквально в одночасье, он сбросил с себя, как истлевшую и ненужную чужую одежду, все это тысячелетнее наследие сразу же после первых успешных шагов ислама, решительно и энергично, причем в считанные годы, восстановившего здесь классические формы восточной структуры и соответствовавших ей традиций.

Феномен эллинизма на Ближнем Востоке поучителен и интересен прежде всего именно с точки зрения философии истории, анализа генерального исторического процесса. Казалось бы, более передовая и динамичная структура, к тому же заметно оттеснившая соперницу на задворки, должна была достаточно легко выйти победителем в соревновании двух систем и, как итог, лидировать в процессе сложного синтеза (эквивалента мутации). Этого, однако, не случилось. Об историческом синтезе, несмотря на тысячелетний срок эксперимента, говорить не приходится, а возникший вместо него симбиоз оказался не только шатким, но и прямо-таки чем-то искусственным, неорганичным. С исчезновением античности пропала необходимая для него, точнее, для античного элемента в его рамках, культурная и всякая иная подпитка. А без нее античное начало в симбиозе оказалась чуждым главным и основному в нем, началу восточному, и быстро ослабло, а затем и вовсе стало исчезать. Восток в его исламской активно-воинственной форме вскоре после этого решительно покончил с остатками античного влияния в ближневосточном регионе. Замышлявшийся великим Александром синтез не был, таким образом, реализован. Но не было ли это лишь исторической случайностью, просто неудачей плохо поставленного эксперимента? Обратим внимание на другой аналогичный эксперимент, византийско-христианский.

17. Рим (Византия) и христианство на Востоке

Этот эксперимент был несколько иным по характеру и по внешним формам, однако суть его сводилась все к тому же — к попытке плодотворного синтеза Запада и Востока. Начался он еще в те годы, когда Рим безраздельно владычествовал на Ближнем Востоке, то есть в эпоху только что рассматривавшегося эллинизма. Стоит в этой связи напомнить, что вначале завоевание эллинистического Ближнего Востока Римом и превращение многих из древних государств этого региона в римские провинции не внесло существенных изменений в те процессы, что были начаты вторжением Александра и, как предполагалось в свое время, должны были в качестве конечной цели привести к органичному синтезу античного мира и традиционного Востока. Правда, римляне, в отличие от Александра и его преемников, не ставили перед собой абстрактных всемирно-исторических задач культурного и тем более структурного синтеза. Они ограничивались тем, что назначали своих наместников (типа прокуратора Понтия Пилата в Иудее) с некоторым количеством войска для надзора над провинциями, которые по-прежнему управлялись своими царями или иными правителями. Но поскольку романизация ближневосточных территорий в принципе по своей историко-культурной значимости и соответствующему вектору мало чем отличалась от их эллинизации, начатой несколькими веками раньше, то, как следовало бы ожидать, процесс желаемого синтеза должен был быть продолжен. Для этого как будто имелись все основания. Этого, однако, как уже упоминалось, не случилось.

Зато случилось иное, исторически много более важное. На крайней западной оконечности ближневосточного региона, древнем перекрестке исторических путей человечества, в Палестине, возникла новая великая религия, христианство, которому было суждено изменить мир, во всяком случае западный. Христианство по происхождению — религия восточная, практически не имеющая никакого отношения к Европе, особенно античной. Правда, эта религия была особенной, во многом отличной от того, что было характерно для иных восточных религий, как, впрочем, и создавший ее народ не был похож ни судьбой, ни образом жизни, ни характером, ни по многим иным параметрам на любой из восточных народов, включая близких к нему по крови семитов, от аккадцев до арабов. Не вдаваясь в детали — благо им

посвящены гигантские по объему библиотеки научных и апологетических (не говоря уже о критических атеистических) трудов, существенно выделить главное, во всяком случае для нас. Это главное в том, что христианство, хотя оно и было создано на Востоке и восточным народом, стало религией прежде всего европейцев, религией Запада, причем главной и основной, по сути, не единственной его религией.

Произошло это, как известно, далеко не сразу и отнюдь не с легкостью. Хорошо известно, что первых христиан в Риме преследовали и травили, массами уничтожали. Однако они, преодолевая все сложности выпавшего на их долю тернистого пути, несли свой крест и энергично распространяли свою веру среди сограждан. Количество неофитов со временем заметно возросло. Тому было немало причин, тщательно проанализированных в специальных трудах. Одна из них заключалась в том, что христианство было, помимо прочего, религией убогих и угнетенных, которых в процветающем Риме с начала нашей эры становилось все больше. Кроме того, христианство (как доктрина и как организация, то есть церковь), на первых порах отличавшееся своей терпимостью, оказалось весьма подходящей религией именно для Рима с его восходящими к античной традиции акцентами на свободный выбор каждого и внациональными вселенскими формами общежития. Неудивительно поэтому, что именно Рим вскоре стал центром новой религии, где она не только завоевывала многочисленных сторонников, но и быстрыми темпами укрепляла свои позиции, в том числе и среди правящих верхов, пока в IV в. не превратилась в официально признанную и практически абсолютно господствующую.

Кризис Римской империи сыграл, наряду с прочими факторами, свою роль в том, что в первой трети того же IV века император Константин перенес свою резиденцию на Восток, в Византий, на месте которого вскоре выросла новая столица, Константинополь. Это перемещение столицы привело в конце IV в. к расколу на Западную и Восточную империю. Как известно, вскоре после этого Западная империя пала под ударами варваров и утратила свою государственную структуру, что, впрочем, не помешало (а быть может, способствовало) усилению власти церкви. Римские епископы, уже с IV в. называвшие себя Папами (официально это самоназвание было закреплено за римскими первосвященниками в V в.), претендовали на все большую

власть в христианском мире, включая и постепенно христианизовавшихся, разгромивших Рим и поселившихся в Европе варваров с их молодыми и постоянно сменяемыми друг друга королевствами. Восточная, напротив, примерно с этого же времени начала отсчет своей свыше чем тысячелетней истории под наименованием Византия, а христианская религия в ней формально и фактически находилась вне юрисдикции Римского Папы.

Едва ли не решающую роль в углублении раскола между Римом и Византией сыграли именно разногласия внутри христианской церкви. Эти разногласия, выявившиеся уже на созванном Константином первым вселенском Никейском соборе (325 г.), были углублены на втором Константинопольском соборе 381 г. Вначале несогласие с ортодоксальной линией проявилось в форме ересей (арианской, несторианской, монофизитской), распространявшихся в основном на Востоке. После окончательного раскола империи на Западную и Восточную византийский император был признан главой церкви, тогда как конкретное руководство ею оказалось в руках патриархов, должность и статус которых были закреплены решениями Халкидонского собора 451 г. Первым и старшим среди них считался Константинопольский, кроме него в Византийской империи православную церковь, как она стала затем именоваться, возглавляли также Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархи.

Хотя формально римская католическая и греческая (византийская) православная церковь резко обособились лишь в 1054 г., когда Римский Папа и Константинопольский патриарх торжественно отлучили друг друга от церкви, фактическое разделение этих двух церквей началось задолго до того и было связано именно со все более дававшими знать о себе кардинальными различиями между обеими церквями в их политическом статусе. Различия же эти были, с одной стороны, связаны с акцентом на традицию (в Риме на жесткие нормы права, в Византии — преимущественно на абстрактно-спекулятивную мысль), а с другой — являлись функцией принципиальной разницы между постантичной Европой и Восточной Римской империей. В Европе сближавшийся с принявшими христианство варварскими королями Римский Папа был политически независим и, более того, претендовал на верховное господство над всеми христианами, что должно было его поставить выше светских правителей. В Византии на долю патриархов выпало быть в числе подданных императора,

формального главы церкви. Эта принципиальная разница в статусе и политической роли была решающей во многих отношениях, включая последующие судьбы католицизма и православия как религий и церковных организаций, тогда как доктринально разделившая эти ветви христианства разница в догматах (идея чистилища в католицизме; восприятие «святого духа» идущим только от бога-отца в православии или также и от бога-сына в католицизме и некоторые другие детали, за которые, впрочем, каждая из церквей крепко держалась) была явно не слишком существенной, чтобы столь резко взаимно отторгать друг друга.

Уже из всего сказанного видно, что Византия была по отношению к Риму и Европе, включая католицизм, своего рода Востоком, то есть чем-то таким, где закону и праву придается сравнительно небольшое значение, тогда как произвол и насилие со стороны властей играют весьма заметную, причем все возрастающую роль. Империя, изжившая себя в Риме, вновь расцвела в Византии, к тому же стала еще более самодержавной, функционально близкой к восточным, к той же поверженной Александром Ахеменидской. Именно так разница воспринималась в Европе. И хотя это был Восток лишь в рамках христианского постантичного мира, даже в пределах вроде бы все той же Европы, его «восточная» суть была для европейцев очевидной и со временем становилась все более определенной. Прежде всего это проявилось в структуре империи как таковой и в характере власти императоров.

Надо сказать, что структура, о которой идет речь, сложилась не сразу. Еще в середине VI в. император Юстиниан, одержавший, к слову, немало побед и подчинивший Византии Северную Африку, часть Италии (королевство остготов) и Испании (вестготы), уделил огромное внимание кодификации римского права (Кодекс Юстиниана). И хотя этот кодекс укреплял права и прерогативы императора и церкви, он в то же время строго стоял на страже рыночно-частнособственнических отношений и резко пресекал децентрализаторские деструктивные тенденции. Стремление Юстиниана вернуться к прежним нормам античного частного права (он отдавал захваченные в Африке земли потомкам их бывших владельцев, коль скоро они имелись) заслуживает безусловного уважения, как и его знаменитая «Прагматическая санкция» 554 г., направленная на восстановление крупного частного землевладения в

оккупированной им Италии. Однако все эти усилия не принесли плодов. Времена античности безвозвратно уходили в прошлое. Новые реалии заявляли о себе громким голосом, и с ними необходимо было считаться.

В числе этих реалий было энергичное наступление на империю ее восточных соседей, будь то двигавшиеся с севера и захватывавшие территорию Балкан, Карпат и даже части Греции славяне или успешно противостоявший Византии на востоке Иран. А первые десятилетия VII в., отмеченные экспансией арабов под зеленым знаменем ислама, привели к тому, что не только отдаленные Африка и Испания, но и близлежащие земли на юге и востоке, будь то Египет, Сирия, Месопотамия или Армения, перестали принадлежать Византии, чьи владения теперь ограничивались в основном Малой Азией, Грецией и частью населенных славянами Балкан. Правда, временами императоры восстанавливали свое влияние в южной Италии, других районах Средиземноморья, Армении или Хорватии, но тенденция, тем не менее, была очевидной: Византия как империя, могущественный наследник Рима, постепенно утрачивала свои позиции.

Впрочем, для нас существенно, имея в виду все сказанное, обратить первостепенное внимание на то, что играто решающую роль в историческом процессе: при всем том, что для католической Европы православная Византия была Востоком, для традиционного Востока, включая полупервобытных варваров, находившихся в процессе трибализации и возникновения прото- и раннегосударственных образований, она продолжала играть роль Запада с его все еще сохранявшимися античными традициями, резко противостоявшими восточным структурам. Более того, Византия активно взаимодействовала с окружавшими ее и частично находившимися под ее влиянием восточными соседями. И хотя это взаимодействие по многим параметрам существенно отличалось от того, что было во времена эллинизации и романизации Ближнего Востока, христианизация как влияние Европы была, по меньшей мере до торжества ислама, одним из важных факторов, действовавших в этом регионе в том же направлении. Но одной только христианизацией ряда стран, от Египта до Армении, влияние Византии и вообще роль этой империи во взаимодействии Востока и Запада отнюдь не ограничивались. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что враждебное окружение, особенно после исламизации большинства

соседних с империей территорий, способствовало постепенной деформации и отмиранию восходивших к античным традициям демократических институтов.

Был сделан акцент на укрепление санкционированной церковью социальной дисциплины и на усиление воинской мощи (армейские округа — фемы) в империи. Успешная борьба с ересями (павликиане, иконопочитатели) поставила православную церковь под полный контроль властей, после чего иконоборчество (попытка императоров ослабить церковь, особенно никому не подчинявшееся монашество) было прекращено, а иконопочитание официально признано. Как и любая из империй классического Востока, Византия постоянно сотрясалась от дворцовых интриг и переворотов, все более жестким становилось противостояние властей и терявшего свою былую свободу населения, обязанного платить налоги государству и церкви или оказавшегося под властью землевладельцев, которые имели право на подати и отработки со стороны зависимых от них крестьян. Иными словами, земледельческое население (в прошлом граждане) превращались в подданных.

Если принять во внимание, что новая форма воинской службы (крестьяне-стратиоты с правом на служебные наделы и освобождением от всех иных повинностей, кроме поземельного налога) в X—XII вв. стала господствующей, а императоры заботились о том, чтобы богатые землевладельцы-динаты не скупали крестьянские земли, то невольно складывается впечатление, что Византия этого времени начала кое-что заимствовать у своих восточных соседей, в первую очередь у Арабского халифата с его системой воинов-иктадаров и ограничением частного землевладения. Однако стоит заметить, что к укреплению централизованной империи это не привело. Напротив, на рубеже XII—XIII вв. Византия оказалась под сильным давлением итальянских купцов и крестоносцев, что в конечном счете привело ее к состоянию политической раздробленности и к усилению различных форм феодальных отношений.

Византия волею исторических судеб оказалась наиболее продвинутой на восток частью античной Европы. Вначале она в качестве преемника Рима брала на себя своего рода миссионерские функции, продолжая начатый Александром великий эксперимент (эллинизация, романизация и христианизация ближневосточного

региона). Однако после исламских завоеваний, когда этот эксперимент, как выяснилось, полностью провалился, именно она, Византия, как бы взяла на себя попытку повторить его в несколько иной форме, в форме государственно-имперского утверждения европейского Запада на все той же территории Ближнего Востока, пусть даже на небольшой части этого региона. Ведь нельзя забывать, что владения Византии отнюдь не ограничивались Элладой и издревле эллинизированной частью Малой Азии. Они были намного шире и включали в себя как земли Восточной Европы (с точки зрения нашего анализа, к слову, это тоже Восток, не имевший отношения к античности), так и ближневосточные территории.

Можно ли считать эту попытку успешной? Отнюдь. Совершенно очевидно, что процесс вестернизации азиатских и восточноевропейских владений Византии с лихвой перекрывался встречным процессом ориентализации самой имперской структуры этой державы. Иными словами, чем дальше, тем больше Византия напоминала собой одну из типично восточных империй, об античных традициях в которой со временем сохранялось все меньше воспоминаний. Их, этих традиций, было больше в городах с развитыми ремеслом и торговлей и элементами самоуправления, но имперский административный контроль над городской экономической активностью как раз и был элементом упомянутой ориентализации. В деревне этот же контроль в сочетании с властью феодализирующейся землевладельческой знати и нуворишей тоже делал свое дело, превращая сельское население по меньшей мере в зависимых, если не вовсе полукрепостных крестьян.

Справедливости ради необходимо заметить, что процесс ориентализации в Византии не зашел слишком далеко, и империя пала под ударами турок, будучи не только оплотом христианства, но и все еще форпостом Запада на Востоке. Однако значит ли это, что в Византии шел процесс некоего органического синтеза западной античной и традиционной восточной структур? Сомнительно. Похоже, что у нас больше оснований говорить лишь о постепенном вытеснении элементов первой из них элементами второй. Это значит, что, как и в случае с феноменом эллинизма, перед нами не синтез, но симбиоз, который может существовать как угодно долго и вместе с тем, не будучи органически цельной структурой, рассыпается в прах при первом подходящем для этого случае.

Как известно, так и произошло с Византией после турецкого завоевания. Даже в Греции, этой цитадели античности, только православие (но никак не пережитки античных традиций!) позволило предохранить население от полного его отуречивания, которое стало уделом малоазийцев и части балканских славян. В этом отношении позднесредневековые (да и современные) греки практически ничем не отличаются от большинства сходных с ними историческими судьбами соседних православных славянских народов на Балканах.

Вывод достаточно очевиден: исторический процесс весьма не прост. И коль скоро генеральные структуры, лежащие в основе античного Запада и традиционного Востока, принципиально различны, то органичное совмещение их, синтез, оказывается делом крайне сложным. Во всяком случае, на территории Востока, в конкретных условиях древности и средневековья. Впрочем, прежде чем делать окончательные выводы, обратим внимание на еще один всем хорошо известный феномен, на средневековую Европу. Ведь с точки зрения тех исходных позиций, которые положены в основу нашего анализа, там тоже произошло столкновение двух несовместимых структур, античной и принципиально чуждой ей варварской, типологически все той же восточной. Но на сей раз взаимодействие разных структур протекало уже на почве Запада. И это обстоятельство, видимо, сыграло свою роль и оказало влияние на конечный результат.

18. Варваризация Рима и средневековая Европа

Великое переселение народов, столкновение с которыми на северных и восточных границах Рима началось в конце IV в. и чей натиск сыграл едва ли не решающую роль в крушении империи, ознаменовало не что иное, как вторжение восточного историко-культурного компонента в сферу господства античности. Разумеется, античная структура Римской империи была уже далека от своей первоизданной чистоты. В состав Рима на протяжении веков включались различные страны и народы, не имевшие с ним ничего общего. Это, естественно, влияло на структуру империи, делая ее в некотором смысле более гибкой и гетерогенной. Однако существенно заметить, что все вливавшиеся в Рим элементы традиционных восточных структур (преимущественно первобытные или едва

трибализованные, много реже достаточно развитые, как в случае с некоторыми государствами, включенными в состав Римского Востока) рано или поздно, так или иначе, но в конечном счете чаще всего вполне органично адаптировались к условиям рыночно-частнособственнической экономики империи. И хотя процесс органичного синтеза шел медленно и далеко не везде (отдаленные провинции и в первую очередь все тот же Римский Восток им почти не были затронуты), он все же имел место. И, естественно, это как-то влияло на трансформацию античного стандарта.

Античный стандарт терял свои первоначальные очертания и по иным причинам, не имевшим отношения к влиянию извне. Некоторые важные его элементы, возникшие в те отдаленные времена, когда господствовала полисная структура с задававшим в ней тон коллективом феодалов- собственников и обслуживавшим их интересы элементарным аппаратом администрации, с течением времени отмирали. Но генеральный принцип античности — абсолютное господство и структурообразующая роль рыночно-частнособственнических связей не только сохранялся, но и энергично оказывал свое воздействие на всех тех, кто был в орбите римского влияния, и тем более тех, кто был административно включен в состав империи. Это влияние было безусловным и ощущалось всеми, что, помимо прочего, убедительно свидетельствует в пользу адаптирующей мощи античного рыночно-частнособственнического начала. Однако стоит оговориться, что эффект достигался лишь в том случае, когда процесс адаптации происходил на территории, где господство античного начала в принципе было вне сомнения, где оно было у себя дома и где им было пронизано все, от центра до далекой деревенской периферии.

Адаптации элементов античности, пусть существенно трансформировавшейся, способствовал и еще один важнейший значимости фактор, о котором уже упоминалось. Культура варварских племен, едва достигших в своем развитии уровня протогосударства, была слабой и отсталой по сравнению с древней и высокой культурой Рима, уже обрамленной духовным величием христианской цивилизации. Неудивительно поэтому, что многие десятилетия, а для некоторых германских племен (галлы и др.) века постоянных контактов с Римом сыграли свою позитивную роль и привели к тому,

что молодые варварские королевства, складывавшиеся рядом с Римом и на его развалинах, быстрыми темпами христианизовались. Практически это означало, что вместе с остатками античной культуры они воспринимали возросшую на ее почве, хотя и во многом отрицающую ее культуру христианства. Тем самым варварские королевства раннего европейского средневековья выступали в некотором смысле наследниками исчезнувшего из истории Европы Рима.

Здесь важно сделать принципиальную оговорку. Наследие, о котором идет речь, было прежде всего заимствованием того, что лежало на поверхности. Иными словами, заимствовались едва ли не в первую очередь сильная и даже деспотическая власть правителя, трансформировавшаяся в позднем Риме почти до неузнаваемости структура собственности, уже не столько античной гражданской, сколько крупной, обслуживаемой в основном подневольными, зависимыми или полузависимыми безземельными работниками или арендаторами, рабами и колонатами. Заимствовались институционализировавшееся христианство с его хорошо организованной церковью, монастырями, церковным имуществом и налогом-десятиной с верующих. Активизировалось внимание к писаному праву, столь уважаемому римлянами, — едва ли не все варварские королевства раннесредневековой Европы в VI—IX вв. обзавелись своими «правами», среди которых наиболее информативна и значима была «Салическая правда» франков. Именно под воздействием этих заимствованных римских традиций быстрыми темпами развивались упомянутые королевства, в рамках которых местные родоплеменные нормы трансформировались в институты раннего, а затем и развитого государства. В частности, достаточно быстро начала утверждать себя частная собственность.

Правда, это не была собственность античного типа, то есть прежде всего собственность граждан, охраняемая законами и выборной администрацией полиса или хотя бы частноправовыми гарантиями Римской империи. Но это и не была квазисобственность классического Востока с характерными для этой структуры полным отсутствием прав и гарантий и произволом власти имущих по отношению к собственникам, не причастным к власти. В королевстве, а затем империи франкского государя Карла Великого (династия Каролингов, VIII—IX вв.) шел процесс постепенного превращения крупной

частной собственности в феодальную, то есть в наследственные феоды родовой знати, что следует считать результатом, как то бывало в соответствующей ситуации на Востоке, в частности, в чжоуском Китае первой половины I тыс. до н. э., отсутствия иных возможностей для осуществления эффективной администрации в рамках разросшегося и усложнившегося общества, большого государства. Но что касается собственности средних масштабов и мелкой, особенно городского населения, то она, пусть даже при сохранении зависимости городов от власти короля, феодала в лице их администраторов или церкви, имела по оставшейся с античности традиции некоторые права, привилегии и иммунитеты, что принципиально отличало европейские феодальные города от любых восточных. Ситуация эта в целом была характерна для всей средневековой Европы, в том числе и в период правления на значительной ее части (временами существенно изменявшей свои политические очертания) императоров «Священной Римской империи», просуществовавшей с X по XIX в.

Как упоминалось, между императорами и церковью как институтом с ее главой, Папой Римским, существовало постоянное соперничество за власть, что косвенно содействовало ослаблению всемогущества европейских правителей, ни один из которых не имел той абсолютной и безграничной власти, которой формально обладали правители на Востоке со свойственным им сакральным величием, с основанным на принципе власти-собственности безусловным правом централизованной редистрибуции. По сравнению с европейскими королями и даже императорами «Священной Римской империи» несравненно большей реальной властью обладали и правители Византии, что лишний раз свидетельствует об интенсивной и далеко зашедшей ориентализации этого государства. Разумеется, средневековые европейские правители тоже имели немало власти и нередко бывали практически ничем не ограничены в своих действиях. Они могли по своей воле жаловать земли своим вассалам и тем самым на практике как бы реализовывать все тот же генеральный принцип власти-собственности и централизованной редистрибуции. Однако безусловность этого восточного принципа, сохранявшегося в феодальной Европе в качестве наследия восточных традиций, была в некоторой степени ограничена как христианской религией, нарочито принижавшей всемогущество светских правителей, так и остатками античной традиции с ее уважением к собственности, что было

особенно очевидным на примере городского населения с его чаще всего неприкосновенным для представителей власти имуществом.

Децентрализация политической структуры, характерная для европейского средневековья в его зрелую пору, XI—XIV вв., а также сопутствовавшее ей ослабление власти слабоцентрализованных монархий и усиление роли церкви (достаточно напомнить о знаменитых крестовых походах) способствовали расцвету европейских городов и торговых республик типа Венеции, Флоренции, Генуи, Ганзы. Однако этому расцвету с течением времени стала препятствовать именно та феодальная раздробленность, что вначале помогла городам укрепиться, обрести немалую самостоятельность, автономные права, а также добиться экономических успехов. В процессе противостояния своим сеньорам, светским и церковным феодалам, пытавшимся облагать их все возрастающими налогами, города позднего европейского средневековья стали энергично поддерживать сильную власть монархов, что сыграло свою роль в преодолении феодальной раздробленности и начала процесса дефеодализации Европы.

Города сыграли решающую роль и в возрождении античной традиции в ее наиболее полном виде, во всяком случае, в пределах сложившейся в позднем европейском средневековье ситуации. Ведь далеко не случайно и то, что эпоха Возрождения началась в Италии, то есть на земле, где наиболее бережно сохранялись остатки античных традиций, что нашло свое отражение в развитии упоминавшихся уже торговых республик, в расцвете искусств, в гениальных творениях мастеров и мыслителей. О Ренессансе написано много, этот феномен всем хорошо известен. Однако для нас важно обратить внимание на то, что имелось в виду в первую очередь и главным образом, — на возрождение античности со всеми ее важнейшими свободами и условиями для полного и всестороннего развития личности, особенно творчески одаренной. Иными словами, речь идет не просто о Ренессансе, но прежде всего о возрождении полного и всестороннего господства античной рыночно-частнособственнической структуры, обрамленной такими социально-правовыми институтами, которые обеспечивали бы людям все возможности для проявления их энергии, инициативы, предприимчивости, которые устраняли бы все мешающие этому препоны, сословные привилегии и предрассудки.

Ренессанс и дефеодализация Европы шли рядом, бок о бок. Это было неодолимое движение как нового, так и хорошо забытого, но неожиданно возродившегося во всей своей красе и первоизданной силе старого. Если для феодальной культуры европейского средневековья были характерны многие черты и признаки, которые заметно отличали то время от нашего (А. Я. Гуревич обратил, в частности, внимание на иное восприятие времени. Добавлю от себя, что отмеченные им особенности в основном не что иное, как наследие классической восточной традиции с характерным именно для нее такого рода восприятием), то постренессанское время, возродившее античную традицию, сблизило новоевропейскую культуру с древней и тем придало ей новые силы, позволило обрести крылья. Возрождение античной структуры означало безусловный выход на авансцену истории рыночно-частнособственнических отношений в качестве главной, ведущей и структурообразующей силы. Собственно именно эта сила и легла в основу развития европейского капитализма.

Я не намерен ставить под сомнение ни знаменитый кардинальный тезис М. Вебера о роли протестантской этики в процессе генезиса европейского капитализма, ни значимость для этого процесса феномена первоначального накопления самого капитала как такового. То и другое сыграли свою важную роль. Но, тем не менее, в начале всего лежало возрождение античной традиции. Первоначальным толчком, обеспечившим в конечном счете расцвет европейского капитализма, был Ренессанс. Впрочем, специально обо всем этом речь пойдет ниже, в особом разделе. Пока же важно сделать резюме, суть которого сводится к тому, что взаимодействие античной и восточной структур в европейском средневековье на развалинах Рима привело к несколько иному результату, нежели попытки синтеза античной и восточной структур в их эллинистическом и византийском вариантах. Однако и теперь у нас едва ли есть основания говорить о некоем синтезе. Речь о другом.

Если попытка синтеза в эллинистическом варианте полностью не удалась, а византийский был в лучшем случае лишь движением к некоему синтезу (на деле оно было постепенным замещением античных элементов структуры восточными), которое к тому же в конечном счете было прервано и привело к абсолютному торжеству восточной структуры в ее турецком исламском варианте, то аналогичная осуществленная все той же историей попытка

амальгамирования обеих структур на территории Европы дала иной результат: восточные элементы в средневековой Европе со временем были практически полностью поглощены и переварены античностью в ее сначала едва заметной форме, прораставших на римской почве элементов городского и христианизованного быта и соответствующей культуры, а затем, в позднем средневековье, в виде мощного и всепоглощающего феномена Ренессанса.

В итоге поглощение восточных элементов средневековой европейской структуры и культуры возродившимися античными вполне можно сопоставить со столь же полным исчезновением элементов античности на арабском, а затем турецком Ближнем Востоке. Если не концентрировать внимание на мелочах и второстепенных исключениях из нормы, то норма в целом выглядит до предела цельной и понятной: обе структуры, античная и традиционная восточная, несовместимы. Попытки синтезирования их принимают вначале форму симбиоза, а со временем завершаются полным провагом. И пусть эти попытки длятся тысячелетиями — это не имеет принципиального значения. Главное в том, что одна из структур полностью элиминируется, практически без остатка поглощается другой, причем во всех трех рассмотренных выше известных истории случаях победителем выходит та, на почве которой проводится исторический эксперимент.

Это значит, что синтез античной (европейской, западной) и восточной структур в принципе был невозможен, во всяком случае, до наступления эпохи капитализма и колониализма. Но почему? С точки зрения принципиальной разницы в структуре (в экономике, социально-политической системе, правовых и административных институтах) это понятно и в общем легко объяснимо: рыночно-частнособственнические отношения не вписываются в структуру, основанную на власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Но только ли в этом все дело? Ведь в конечном счете существовали же на протяжении долгих веков симбиотические структуры типа эллинистических стран Ближнего Востока, Византии и государств раннесредневековой Европы. Значит, сосуществование в принципе было возможным, невозможным был лишь плодотворный синтез. Что же мешало ему?

Поиски ответа на этот важный вопрос сталкивают нас с проблемами, выходящими за рамки древней и средневековой истории,

проблемами, вплотную связанными с историей европейского капитализма (пусть вначале лишь в его протокапиталистической модификации) и колониализма на Востоке. А эти проблемы в свою очередь теснейшим образом связаны с историей европейского развития в ключевой для этого континента момент — в эпоху Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий. В том, что все три перечисленных кардинальной важности для судеб человечества процесса совпали по времени, приходясь в основном на XV—XVI вв., нет ничего удивительного: именно в это время позднесредневековая Европа, как о том уже упоминалось, встала на путь дефеодализации, сопровождавшейся становлением крупных национальных государств. Брошенный Европе исторический вызов сводился в XV—XVI вв. к выбору между старым и новым, причем новое, как то случалось в истории, подчас облачалось в одежды древних хорошо забытых традиций.

В сфере религиозных и социопсихологических стереотипов рубеж проходил между схоластикой и нетерпимостью католицизма, с одной стороны, и возвращением к незамутненным истокам христианства в его протестантской форме — с другой, в сфере духовной культуры и изящных искусств — между тяжеловесной готикой и блестящей как бы заново возрожденной сказочной легкостью (и в то же время глубиной) античности, в сфере материальной — между узкими рамками европейского хозяйства и всемирным рынком с его бескрайними горизонтами, оказавшимися достижимыми в результате развития мореплавания и сделанных в ходе этого Великих географических открытий. И хотя техника и искусство постренессансного мореплавания и тем более торговля, а то и прямой грабеж заново открытых отдаленных стран (прежде всего Америки) мало напоминают торговлю, мореплавание и колонизацию античных греков, определенное сходство между тем и другим, безусловно, есть, как есть оно между ранними гонимыми христианами и гонимыми католической церковью протестантами или, еще больше, между античной культурой и культурой европейского Ренессанса.

Но главное все же не в сходстве как таковом. Главное — в реализации под старыми порой лозунгами и в духе возвращения к великой традиции тех потенций, которые были накоплены европейцами за первое постантичное тысячелетие. Эти потенции, реализовавшиеся в Ренессансе, Реформации и Великих

географических открытиях, как раз и оказались ответом на брошенный Европе историей вызов. Суть ответа в конечном счете была сведена к формированию принципиально нового капиталистического общества, появлению феномена нового (не античного!) типа колониализма и к роли колониального капитала и европейского рынка, становившегося мировым, в процессе трансформации традиционного Востока.

Все это заслуживает специального анализа, к которому мы еще вернемся. Пока же, завершая оценку исторического процесса в период древней и средневековой истории, необходимо специально обратить внимание на еще одну важную для этой оценки проблему. Речь о том, какую роль в истории играли духовная культура, религия, цивилизация, то есть все то, что ныне часто просто именуется менталитетом. Кое о чем в этом плане уже говорилось, в том числе только что в связи с рассуждениями о Ренессансе. Но проблема мировых цивилизаций и лежащих в их основе великих религий значительно шире. Она имеет немалое самостоятельное значение и, безусловно, заслуживает внимания в работе, касающейся историософских проблем. То, о чем теперь пойдет речь, являет собой своего рода идейно-институциональный фундамент как Востока во всех его вариантах, так и европейского Запада.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РЕЛИГИОЗНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФУНДАМЕНТ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ

19. Духовная культура и становление религиозных верований

Фундамент любой духовной культуры сколько-нибудь развитого общества достаточно сложен. Свою роль играет природная среда, некий вмещающий ландшафт, в рамках которого и во многом в зависимости от которого формируется та либо иная общность (достаточно напомнить о разнице между земледельцами и скотоводами, о специфике в культуре горцев или островитян на дальних архипелагах). Имеют немалое значение постоянные волнообразные либо, напротив, крайне редкие спорадические взаимовлияния и миграции. Очень важен тот исходный уровень, достигнув которого, данная общность в состоянии успешно

развиваться самостоятельно, не находясь в очевидной зависимости от внешних воздействий (имеется в виду уровень урбанистической цивилизации). Однако едва ли не самым важным звеном во всей цепи благоприятных (либо не очень) обстоятельств следует считать все же уровень духовной культуры, характер ментальности общности, формы ее религиозных представлений и верований, а также той традиции, которая этими представлениями воспитана и сама в конечном счете их формирует.

Духовная культура, а также связанные с нею и формирующие ее нормы поведения, обряды и обычаи, верования и культы возникали в раннем человеческом обществе в целом и в рамках каждой из составлявших его коллективов с первых шагов их существования. Это и неудивительно: в отличие от мира животных человек, даже в первичной его модификации обезьяночеловека, не говоря уже о сапиентных людях, немислим без работы мозга, который закреплял в сознании (или подсознании) каждого члена группы те стереотипы повседневного бытия и соответствующего нормативного поведения, которые соответствовали ожиданиям группы и были необходимы для ее выживания. Частично это происходило за счет безусловных рефлексов, существующих и у животных. Но тем человек и отличается от животного, что он руководствуется в своем поведении не только условными рефлексам.

Не вдаваясь в подробности биологического характера, следует обратить особое внимание на то, что выработанные самой жизнью стереотипы поведения (вспомним, что К. Леви-Стросс начинает историю общества и культуры человека с появления феномена взаимообмена, обмена женщинами) как раз и закреплялись в сознании людей, после чего превращались в норму, огражденную системой табу. Собственно, именно с этого и берет свое начало духовная культура человека.

Огражденные строгими табу генеральные первичные нормы человеческого бытия и поведения вначале были едиными и общими для всех, ибо именно они выделяли человека из мира животных и, вкупе с лежавшими в их основе биологическими сдвигами (процесс сапиентации), делали человека человеком. Однако по мере разрастания первоначального человечества и распространения его (во всех его модификациях — архантропа, палеоантропа и неантропа) по ойкумене, а также в ходе параллельного существования и развития

отдельных проточеловеческих стад и тем более коллективов сапиентных людей упомянутые первичные нормы постепенно и понемногу начинали различаться, обрастая специфическими для каждой из групп или формирующихся этнических общностей деталями, отличавшими эти общности друг от друга. Так закладывался фундамент для возникновения различных культурных комплексов.

Эти комплексы, разумеется, вначале отнюдь не были заметно разными. Напротив, они еще очень слабо различались между собой — во всяком случае в том, что касается наиболее существенных нормативов бытия. Но со временем эти различия становились все значительнее и заметнее. Здесь сыграло свою роль множество причин, о которых частично уже было упомянуто.

Во-первых, сами общности (речь идет о сравнительно крупных популяциях, состоявших из множества соседних стад или групп), несмотря на спорадические контакты и едва ли не постоянные взаимовлияния, развивались самостоятельно и обретали черты и признаки, свойственные только и именно данной части человечества. Другое дело,

Достаточно ли было этого самостоятельного развития для энергичного движения по пути эволюции. Как уже говорилось, достаточность появляется лишь на этапе перехода общности к уровню урбанистической цивилизации и протогосударства, да и после этого внешние контакты, взаимовлияния и миграции всегда желательны, ибо дают толчок развитию. Что же касается более ранних этапов развития человечества, то для того времени взаимовлияния являются не просто желательным, но необходимым условием эволюции. Альтернативой является стагнация, как то хорошо видно на примере китайских синантропов.

Поэтому, говоря о самостоятельности развития, следует делать акцент не на независимость общности и группы общностей — метаобщности — от внешних влияний вообще, но лишь на то, что даже при учете таковых процесс внутреннего развития в отдаленной от центрального района миграционных контактов далекой периферии, какими были Дальний Восток или большая часть Африки, не говоря уже об Америке, всегда был до определенной степени замедлен. И хотя имеется в виду отнюдь не только процесс расогенеза, на него тоже стоит в этой связи обратить внимание, ибо он зримо свидетельствует о дававших о себе знать в ходе формирования

человека (досапиентного и сапиентного) мутациях и метисации. Мутации в данном случае — свидетельство спонтанной эволюции метаобщностей при минимальных воздействиях извне.

Во-вторых, на развитие ранних человеческих метаобщностей должны были оказывать, о чем тоже уже было упомянуто, огромное воздействие условия их существования в определенной зоне планеты. Уже в процессе мутаций и расогенеза огромную роль играли природные условия. Нет нужды всерьез доказывать, что черный цвет кожи у африканцев напрямую связан с палящим солнцем, точно так же, как узкий разрез глаз у древнейших монголоидов был обусловлен жизнью в зоне степей — при всем том, что на процесс расогенеза могли оказывать и оказывали свое воздействие, видимо, и многие иные факторы. После завершения процесса расогенеза и становления сапиентного человека во всех его расовых обликах (еще раз стоит напомнить, что каждый из них был результатом как существования в определенной зоне планеты и воздействия условий среды, так и мутаций и метисаций, связанных с миграциями групп и взаимными их контактами) влияние природных условий меняло свой характер, хотя и продолжало оставаться весьма важным фактором эволюции.

В-третьих, весьма существенно заметить, что, оказавшись в различных условиях среды, разные расовые метаобщности и составлявшие их более мелкие общности (прообраз будущих этнических) развивались неодинаковыми темпами. Одни эволюционировали быстрее, другие — медленней. Это, естественно, сказывалось на характере контактов и взаимодействиях между ними. Как правило, передовые не только оттесняли отставших в менее удобные для выживания и тем более процветания человеческих коллективов места, но и порой безжалостно уничтожали их. Это вело к изменению человеческой популяции и, в частности, к интенсивному распространению по ойкумене (имеются в виду прежде всего наиболее приспособленные для человека районы обитания) новых волн мигрантов из числа преуспевших. С одной стороны, это обстоятельство способствовало распространению повсюду важных для всех нововведений (открытий и изобретений), что вроде бы должно было не допускать больших различий в развитии, но, с другой, опять-таки вело к тому, что оказавшиеся в менее удобных для существования человека районах потомки мигрантов тоже начинали

эволюционировать менее заметными темпами по сравнению с теми, кто жил в наивыгоднейших условиях.

Словом, человеческие метаобщности и тем более складывавшиеся на основе их взаимовлияний, а также метисации более мелкие общности всегда развивались неравномерно и, естественно, были неодинаковыми. Соответственно разными были и культурные комплексы каждой из них. Уже упоминалось о том, что эта разница легко фиксируется археологами и что именно она лежала в фундаменте этнокультурных различий. Этнокультурные различия, о которых идет речь, в свою очередь воздействовали на облик тех формирующихся этнических групп, этносов, которые существовали, видимо, с глубочайшей древности.

Проблема этносов, с легкой руки некоторых современных специалистов, прежде всего Л. Н. Гумилева, крайне запутанная и даже извращенная, занимает очень важное место в феномене культурогенеза. Оставляя эту проблему в целом в стороне и не пытаясь с легкостью ее решить, и хотел бы, тем не менее, заметить, что этнические различия прежде всего связаны с разницей в культурном комплексе и в конечном счете оказываются функцией этой разницы. Разумеется, первоосновой любой этнической общности является, во всяком случае для исследователя древнейших из них, языковое родство. И далеко не случайно древние группы известных историкам народов группируются именно по языковым семьям (семитская, индоевропейская и др.). Иными словами, в основе этнических различий лежат прежде всего язык и тесно связанные с ним мифы, верования и обряды, ритуалы и культы, нормы повседневного бытия и стереотипы поведения — словом, определенная система социальных и духовных ценностей.

Комплекс этнокультурных авуаров, сводящийся в основном к перечисленным элементам системы ценностных ориентаций данной популяции, в свою очередь (о чем уже шла речь) во многом формируется условиями жизни, то есть отнюдь не равнодушен к соответствующей и весьма определенной природной зоне, окружающей среде. Возникший в данном месте и в данное время в ходе определенных миграций и взаимовлияний между разными человеческими коллективами, развившийся благодаря системе ценностных ориентаций слившихся в единое целое различных групп, волею случая оказавшихся рядом и воздействовавших друг на друга,

этот комплекс в свою очередь оказывает едва ли не решающее воздействие на характер и облик складывающейся этнической общности.

Что же представляет собой каждый из ранних культурных комплексов? Разумеется, важнейшим для его характеристики являются уровень и конкретные формы (признаки) того, что в науке, особенно в археологии, именуется материальной культурой. Собственно, именно следы материальной культуры — во всяком случае они в первую очередь и главным образом — дают основания тем же археологам уверенно говорить о культуре насельников той или иной стоянки или группы соседних стоянок и могильников. Но одной материальной культурой дело отнюдь не ограничивается, даже в археологии. Как раз напротив, археологи с огромным тщанием всегда стремятся выделить среди находок те, которые дают свидетельства о культуре духовной. И это важно не только для полноты картины, даже не только для того, чтобы уверенно отождествить находку и сблизить ее с другими (известны большие серии археологических культур, которые сближаются друг с другом именно на основании сходства важных элементов духовной культуры. Напомню еще раз о культурах так называемой расписной керамики). Это важно прежде всего потому, что именно культура духовная, во всяком случае она в основном, в первую очередь, позволяет охарактеризовать культурный комплекс данной этнической общности.

Духовная культура оставляет свои следы и в росписи на керамике, и в облике предметов материальной культуры (домов, сосудов, орудий труда), и в орнаменте на изделиях из дерева, кости, металла, камня, керамики, на остатках одежды и т. п. Именно она как бы очеловечивает культуру материальную, что позволяет судить о культурном комплексе в целом, о языковой семье, к которой скорей всего принадлежало население комплекса, и, в конечном счете, об этносе, следы существования которого обнаружены при раскопках. И хотя для археологии обнаружение останков материальной культуры вообще-то важнее всего, даже при условии отсутствия или недостаточности следов культуры духовной, оценка этнокультурной характеристики древней этнической общности для истории человеческой культуры может и должна считаться первостепенной. Правда (в том, что касается древней бесписьменной эпохи), ничего конкретного о том либо ином этносе ни археология, ни иные науки,

как правило, сказать не могут. Только косвенно культурный комплекс может свидетельствовать о том, что мы имеем дело, скажем, с этнической группой, принадлежащей к индоевропейской либо семитской языковой семье. Однако это никак не исключает того, что за каждым из культурных комплексов, о которых идет речь, стоит вполне определенная этнокультурная общность, этнос.

Исходя из всего только что сказанного, можно заключить, что представляющие перед историками и обнаруженные благодаря усилиям археологов древние культурные комплексы — это та серьезная основа, которая позволяет судить и об этнокультурных общностях в целом, и об их духовной культуре в частности. Более того, именно оживающие усилиями археологов такого рода комплексы дают основания судить о религиозно-культурных представлениях и верованиях в далеком прошлом. Другой весомый источник, позволяющий судить о них же, — это обстоятельно изученная антропологами духовная культура отставших в своем развитии племен или даже еще более отсталых локальных групп охотников и собирателей. Сопоставление полученных археологами и антропологами данных позволяет делать определенные выводы о культурно-религиозной мысли и практике древнейших обитателей нашей планеты. Эти выводы, в общем-то, уже достаточно давно и уверенно сформулированы специалистами, прежде всего культурологами и религиоведами.

Опубликованные ими обстоятельные сводные труды, подчас состоящие из нескольких томов, дают характеристику духовной культуры и доземледельческих, и дописьменных раннеземледельческих обществ. Из этих трудов, в частности, явствует, что первые религиозные представления возникли у людей очень давно и что именно такого рода представления составляли ранние формы их духовной жизни. Можно напомнить о насыщенных магическими сценами изображениях охоты в пещерной живописи или о практике захоронений палеоантропов (неандертальцев и неандерталоидов). То и другое было связано с попытками осмысления феноменов родства и смерти. Попытки такого рода привели к появлению тотемизма как едва ли не древнейшей из форм раннерелигиозных верований.

Тотемизм — это вера в родство данного коллектива с тем или иным видом животных (реже — растений или неодушевленных предметов). Тотемная родовая группа кровных родственников, обычно по мужской линии, носила имя своего тотема и свято его почитала. Именно с

тотемизмом связаны идеи запретов—табу (в частности, пищевое табу обычно запрещало употреблять в пищу тотемное животное, считавшееся кровным родственником группы), причем как раз в тотемные верования и систему табу вписывается тот самый первоначальный обмен женщинами, с которого, по мнению Леви-Стросса, берет свое начало общество с характерными для него упорядоченными брачно-семейными и родственными отношениями. Важно заметить в этой связи, что именно тотемизм с его табу уже выполнял важнейшие функции религии — интегрирующую (строгое разделение на своих и чужих) и регулирующе-контролирующую.

Параллельно с тотемизмом возникли и другие формы раннерелигиозных представлений — анимизм, аниматизм, фетишизм. Анимизм означает веру в существование сверхъестественного и соответственно одушевление сил природы, животных, растений, приписывание им разума, дееспособности и всемогущества. Аниматизм (анима — душа) — это одухотворение людей, особенно умерших. Фетишизм — приписывание магической силы отдельным предметам, амулетам, талисманам или идолам — изображениям духов. Все эти формы ранних религиозных верований и представлений были теснейшим образом связаны с магией, являющей собой комплекс ритуальных обрядов, имеющих целью воздействовать на сверхъестественные силы с целью получения материальных результатов. И, наконец, в качестве своего рода завершения раннерелигиозного комплекса, состоявшего из тотемизма, анимизма, аниматизма, фетишизма и магии, появляется ранняя мифология.

Мифология с ее богами и духами, демиургами и демонами, героями и подвигами — это своеобразный субститут истории у древнейших людей. В мифах находили свое место смутно сохранившиеся в поколениях предания о значительных событиях и выдающихся деятелях прошлого, подчас весьма отдаленного. Мифы обычно насыщены тотемистическими и анимистическими представлениями, магическими превращениями и героическими преувеличениями. Немалое место в них всегда занимали космогонические сюжеты на тему о происхождении мира. Красочная поэтическая форма мифа способствовала его запоминанию и гарантировала ему долгую жизнь.

Неолитическая революция внесла много нового в образ жизни людей, о чем уже шла речь. В сфере духовной культуры она, заимствовав основное из уже существовавшего багажа человечества,

также породила немало важных элементов. Во-первых, прежние духи в эпоху неолита достаточно быстро трансформировались в влиятельные божества, каждое из которых с особым пристрастием относилось именно к той этнической группе, где формировался и обрастал все новыми и новыми деталями и красочными регалиями его культ. Отсюда был лишь шаг к появлению величественных храмов с обслуживавшими их жрецами, что стало нормой в тех протогосударствах, возникновение которых шло бок о бок со сложением основ урбанистической цивилизации. Во-вторых, большую роль в жизни стал играть культ плодородия и размножения, тесно связанный с поклонением Матери-Природе и повышенным вниманием к календарю и астрономическим вычислениям, от четкого знакомства с которыми очень многое зависело, особенно в странах с развитой ирригацией, где, как в древнем Египте, практически вся жизнь была связана с математически точными вычислениями периодов активности реки.

Одним из новшеств неолита в сфере религиозных обрядов стала мантика, то есть система гаданий и предсказаний, целью которой было узнать о намерении сверхъестественных сил и воздействовать на них для получения желательных результатов. В ранних протогосударствах в зонах урбанистической цивилизации стал также характерным культ умерших предков, достаточно быстро трансформировавшийся в культ предков правителя, что способствовало его сакрализации, о чем уже упоминалось. Впрочем, появление первичных протогосударств открывало двери в новую эпоху существования людей. А для этой новой эпохи стали типичными уже не только описанные выше религиозные комплексы, сколь бы развитыми они ни были, но и религиозные системы.

20. Ранние религиозные системы в древнейших центрах урбанистической цивилизации

Если религиозные комплексы были в принципе единообразны, ибо состояли, как правило, из одних и тех же элементов, различаясь при этом лишь акцентами (больше элементов тотемизма или магии, фетишизма и т. п.), а также конкретикой, то есть наименованиями тотемов или духов, различными по характеру и исполнению магическими обрядами, неодинаковыми фетишами и т. п., то с наступлением эры урбанистической цивилизации многое в этом

смысле изменилось. Прошло то время, когда генеральные принципы духовной культуры были как бы едиными и общими для всех. В зонах первичных (да и многое заимствовавших от них вторичных) урбанистических цивилизаций ситуация в этом смысле была иной: каждая из такого рода цивилизаций оказывалась чем-то уникальным и неповторимым, при всем том, что все они, особенно близкие друг к другу соседние (тем более вторичные), имели между собой значительное сходство. Однако прежде чем обратиться к описанию и анализу духовной культуры в зонах урбанистической цивилизации, целесообразно сказать несколько слов о феномене цивилизации как таковом.

Понятие «цивилизация» принадлежит к числу семантически весьма емких, а в современном мире его используют настолько часто, не заботясь о дефинициях, что есть необходимость четко определить, какие именно из аспектов этого понятия имеются в виду в данной работе. Их всего лишь два. Первое — это цивилизация в смысле уровня культуры, выходящего за рамки примитивной первобытности, то есть то, что именуется урбанизмом. Именно факт возникновения урбанистической цивилизации следует считать принципиальной гранью, позволившей первобытным неолитическим общинам перевалить через рубеж, открывший перед теми общинами, которые сумели трансформироваться в первичные протогосударственные образования, путь к дальнейшему интенсивному развитию.

Второе — цивилизация в смысле уникальной развитой религиозно-культурной традиции. Это нечто подобное локальным цивилизациям по Тойнби, но с той существенной разницей, что полноценных великих цивилизаций в истории существует лишь четыре: христианская на Западе и три восточных — арабо-исламская, индуистско-буддийская и дальневосточно-конфуцианская. Остальные, в том числе и те, которые были вычленены Тойнби, воспринимаются в рамках предлагаемой читателю концепции как модификации (варианты) все тех же великих цивилизаций (христианская, как известно, со временем раскололась на католическую, православную и протестантскую модификации, исламская — на суннитскую и шиитскую, буддизм и индуизм выросли на почве древнего брахманизма, причем буддизм затем в свою очередь распался на Хинаяну и Махаяну, а под воздействием китайской цивилизации возник японский ее вариант, многим от нее отличный)

или субцивилизации. К числу субцивилизаций относятся такие, которые обычно являют собой смесь различных традиций, как, например, латиноамериканская католическая, русская православная или африканская и юго-восточно-азиатская исламские.

Разница между субцивилизацией и модификацией той либо иной из великих цивилизаций не слишком велика. По мере развития первая из них может трансформироваться во вторую. Но все они принципиально отличаются от четырех великих в одном плане: великие относятся к числу бессмертных, потому они и велики, тогда как все остальные время от времени возникают именно на фундаменте великих и в принципе могут погибнуть — обстоятельство, на котором особо акцентировал внимание все тот же Тойнби. Имея в виду именно это, то есть некую эфемерность духовной традиции — цивилизации, прочно привязанной к какому-либо из древних этносов или к группе родственных этносов, есть основания считать все древние центры урбанистической цивилизации именно субцивилизациями.

Впрочем, дело вовсе не в том, как именовать эти древние зоны цивилизационного развития. Взятые в одном аспекте, с одной точки зрения, это субцивилизации, в другом, с иных позиций, — центры древнейшей урбанистической цивилизации. Но для нас существенно охарактеризовать эти древнейшие цивилизационные центры как уникальные феномены духовной культуры, в основе каждой из которых лежала строго определенная культурно-религиозная традиция. Традиция, о которой идет речь, — это прежде всего совокупность этнических признаков, которая, впитав в себя все элементы раннего религиозного комплекса и придав этому комплексу его неповторимую, обусловленную этнической спецификой самобытность, в свою очередь стала фундаментом для формирования той или иной древней религиозной системы. Таких систем в древневосточном мире было достаточно много. Характеризовать все их нет необходимости, тем более, что системы в зонах вторичных центров цивилизации были во многом дочерними по отношению к первичным. Поэтому обратимся к первичным.

Религиозно-культурная традиция древних шумеров и их наследников, различных семитских племен (от аккадцев до халдеев), характеризовалась наличием множества высокопочитаемых богов, каждому из которых возводили величественный храм в городе, становившемся тем самым (и вследствие этого) центром

протогосударства. Храм существовал для возвеличения бога, славословий в его честь и принесения ему жертв, причем для выполнения всех этих важных функций формировался специальный и очень влиятельный слой жрецов во главе с первосвященником, который вначале обычно совмещал в своем лице и функции правителя. Или, иначе, храм с его богом и жрецами во главе с первосвященником-правителем становился как бы символом протогосударства и его населения. Символом и гарантом существования, источником духовного комфорта жителей протогосударства, свято веривших в сверхъестественные возможности его божественного покровителя и близкого к этому последнему первосвященника-правителя.

Со временем и по мере разрастания протогосударственных структур в городах появлялись и другие храмы, посвященные иным богам или богиням. Функции божественных сил дифференцировались, хотя порой и совмещались, накладываясь друг на друга, что, впрочем, обычно никого не смущало. Любой сверхъестественной силе люди были рады, ибо она увеличивала, укрепляла могущество их протогосударства. Обилие богов, сосуществующих практически рядом (протогосударства Двуречья были весьма небольшими и достаточно быстро стали объединяться в рамках более крупных политических структур, ранних государств), привело к представлениям об их тесном родстве в рамках некоего обширного пантеона, где время от времени возвышался над другими то один, то другой из могущественных богов — шумерский Энлиль, вавилонские Мардук или Шамаш. Соответственно выстраивалась богатая мифология с героическими подвигами богов и героев типа Гильгамеша, с мифологическим осмыслением вечного кругооборота жизни, с культом плодородия природы, ее постоянного расцвета и увядания (миф о богине Иштар и пастухе Думузи). В мифологии Двуречья встречаются элементы и сюжеты (космогонические идеи, рассказ о создании людей из глины, о великом потопе), которые позже были заимствованы другими религиями, в частности иудаизмом.

Древнеегипетская религиозная система, хотя она создавалась иным этносом, принадлежавшим, насколько можно судить, к иной языковой семье (хамиты?), во многом схожа с месопотамской шумеро-семитской: аналогичные боги, храмы в их честь и жрецы во главе с обожествленным первосвященником-фараоном, сыном бога

солнца Амона — Ра. Миф об Осирисе и Исиде чем-то схож с мифом о Думузи и Иштар. Что же касается культа умерших предков, то он здесь превзошел все аналогичные культы, найдя свое материальное выражение в строительстве гигантских "пирамид, которые — а не храмы с их богами и жрецами, как то было в Двуречье, стали подлинным символом Египта. Кроме того, в Египте ошутимее, нежели в месопотамских государственных образованиях, шел процесс вызревания тенденции к монотеизму, проявившейся, в частности, в знаменитых реформах Эхнатона.

Третий вариант ранней религиозной системы — индоевропейский. Если о самых первых шагах становления системы верований и культов у индоевропейских племен известно не слишком много (а то, что известно, как, например, мифология хеттов, многим напоминает месопотамскую модель, что и неудивительно, принимая во внимание вторичность и зависимость древнейших центров индоевропейского урбанизма от Двуречья), то с середины II тыс. до н. э. эта система уже обретает свою специфику. Она хорошо известна как по ее древнегреческому (ахейскому, гомеровскому), так и по индоиранскому вариантам. Греческая модель ранней индоевропейской религиозной системы хорошо знакома читателю по материалам Илиады и Одиссеи, где представлены в качестве активных действующих лиц не только герои троянской войны, но и энергично помогающие либо мешающие им боги Олимпа. Индоиранский вариант более сложен.

Объединенные общим самоназванием (арии; корень ар или ир — «благородные», то есть свои), древнейшие иранцы и индоарии принадлежали вначале, видимо, к единой этнической общности, расколовшейся затем на две враждующие части. Неясно, чем было вызвано это отчуждение, но оно хорошо фиксируется при знакомстве с мифологией и религиозными представлениями каждой из них: у иранцев ахуры считались благой божественной силой, а дэвы, напротив, вредоносной, тогда как у индоариев все было наоборот, дэвы считались богами, а асуры демонами. Пантеон индоарийских богов, известный по ведам (Ригведа и др.), в принципе не очень отличен от древнегреческого олимпийского, хотя и весьма специфичен. Что же касается древнеиранских богов, то о них мало что известно. Зато известно, что у иранцев эпохи зороастризма (а она начинается, по мнению некоторых исследователей, с XI—X вв. до н.

э.) среди прочих божественных сил отчетливо выделялись две главные — Ахура-Мазда как воплощение Света, Истины и Добра и Ангро-Манью как символ Тьмы, Зла и Лжи. Все остальные божественные силы и символы отступили на задний план, очистив место для главных антиподов.

Дуализм древнеиранской религиозной мысли, легший в фундамент зороастризма, равно как и древнеегипетские попытки реформ Эхнатона с их поисками единого великого Бога были шагами на пути к монотеизму. Дорога к монотеистической религии была проложена, однако, не египтянами и не иранцами, но древними иудеями — небольшой семитской этнической общностью с ее выдающимися религиозными лидерами-пророками, из которых Моисей считается основателем иудаизма, иногда называемого также мозаизмом.

Можно ли считать иудаизм в его ранней форме мозаизма четвертым из известных истории вариантов ранней религиозной системы — вопрос, на который нелегко ответить. Если принять легендарную личность пророка Моисея за отражение некоей реальности (а в реальности плена египетского, откуда, по преданию, иудеев вывел именно Моисей, трудно сомневаться, даже учитывая большой процент добавленной ко вполне вероятным историческим событиям выдумки), то окажется, что уже в XIV—XIII вв. до н. э. иудеи почитали единого великого бога Яхве, Бога всеобщего (то есть Бога для всех), но пристрастного по отношению к иудеям, избранному им народу.

Строго говоря, исторических доказательств и каких-либо надежных свидетельств существования иудаизма-мозаизма в те далекие времена вроде бы нет. Но есть все основания полагать, что первые правители иудеев — Саул, Давид и Соломон были реальными лицами, как реально существовал и богато отстроенный Соломоном Иерусалимский храм в честь великого Яхве. А коль скоро так, то трудно счесть все предшествующие события сплошной выдумкой. Это означает, что иудаизм-мозаизм как ранняя форма монотеизма с культом великого и единого для всех Яхве возник в весьма давние времена, о чем и рассказывается в библейском Ветхом Завете.

Можно прибавить ко всему сказанному и несколько слов о ранней системе религиозных верований в бассейне Хуанхэ, где предки современных китайцев обоготворяли своих умерших предшественников шанди, а затем — заменившее их Небо. Однако

важно оговориться, что ни предки, ни Небо не рассматривались в качестве богов. В их честь не создавались грандиозные храмовые сооружения, им не служили специальные группы жрецов, их деяния не воспевались в мифах. В лучшем случае они славились и почитались. В их честь также приносились жертвы. О специфике китайской религиозной системы еще будет идти речь. Пока же существенно заметить, что все перечисленные здесь варианты ранних религиозных систем, за небольшим исключением (близость месопотамского и египетского вариантов, некоторое сходство греческого и индоарийского), достаточно не схожи друг с другом.

Именно это несходство сформировало облик тех древних урбанистических цивилизаций (египетской, месопотамской, древнегреческой, иранской, индоарийской, иудейской и китайской — об аналогичных цивилизациях доколумбовой Америки с их религиозными системами, отличавшимися кровавыми человеческими жертвоприношениями, речь пока не идет), каждая из которых в результате обрела свое лицо. В отдельных случаях лица оказались похожими друг на друга, но в большинстве своем они были разными, подчас очень разными. Практически сказанное означает, что облик ранней урбанистической цивилизации определялся заложенной в ней религиозно-культурной традицией, которая в свою очередь была сформирована тем этнокультурным комплексом с его духовной культурой, в рамках которого она складывалась. Или, иначе, духовная культура той или иной общности, этноса, разумеется, существовавшая в неотрывной связи с культурой материальной и тесно связанной с ней природной средой, формировала традицию. Традиция же, в которой задавала тон религиозно санкционированная культура, прежде всего этическая норма, придавала уникальный облик каждой из урбанистических цивилизаций, зоны распространения и влияния которых обычно со временем все расширялись. Именно на основе этих зон ранней урбанистической цивилизации с их ранними религиозными комплексами и складывались великие цивилизации. Как это происходило?

21. Развитые религиозные системы и великие цивилизации

Ранние религиозные системы, как и тесно связанные с ними древние цивилизации (субцивилизации), были сравнительно недолговечными, во всяком случае они имели свой конец. Но конец их

не был просто их гибелью, крушением. Как раз напротив, он играл немаловажную роль в рождении нового качества. Известно, например, что иудаизм и античная цивилизация (Иерусалим, Афины и Рим) были тем фундаментом, на основе которого сформировалось христианство. Христианство, иудаизм, остатки античной культуры и древних ближневосточных субцивилизаций в свою очередь внесли весомый вклад в сложение ислама. На базе религиозной системы индоариев сложились индуизм и буддизм, а на основе раннекитайского культа предков и Неба — конфуцианство, окрасившее в свои цвета всю дальневосточную цивилизацию. Не сумел создать своей великой цивилизации лишь иранский зороастризм. Но зато он, во-первых, оказал определенное воздействие на формирование некоторых важных элементов других развитых религиозных систем (идея рая и ада в христианстве и махаянистском буддизме), а во-вторых, в качестве развитой религиозной системы стал государственной религией в раннесредневековом сасанидском Иране, до ислама.

Каждая из четырех великих цивилизаций, возникших на фундаменте ранних религиозных систем, имела свою развитую систему религиозных представлений и верований (в Китае ее субститутом была конфуцианская система этики и социальной политики). Все четыре цивилизации и формировавшие их религии (конфуцианство играло роль религии в Китае) являются уникальными и неповторимыми, отличными друг от друга. Однако при всем том одна из них, христианская, западная, разительно противостоит всем остальным. Противопоставление это проявляется себя не столько в догматах и культах, характере верований или этических норм, сколько в характере общества и типе общественных отношений, государственного строя и структуры хозяйства, о чем уже подробно шла речь в других разделах работы.

Именно это принципиальное различие формировало генеральную установку-ориентацию на Востоке и Западе. Для всех трех великих восточных цивилизаций это была установка на консервативную стабильность, гарантирующую статус-кво. Так или иначе, но все они, каждая по-своему, ставили целью благословить незыблемые нормы бытия и не допустить нарушения основ. Христианство тоже стояло на страже основ и не было против стабильности. Однако оно не только не могло обуздать динамизм европейской эволюции, но даже, напротив, сравнительно легко к нему приспособлялось. Ставка на удачливого

и сильного индивида, на общество, активно и результативно противостоящее государству, не противоречила базовым индивидуалистическим основам христианского учения и потому гармонично в него вписалась. Меняясь вместе с быстро и радикально изменяющимся обществом, особенно в последние столетия, христианство успешно дожило до наших дней, сохранив при этом немалую духовную мощь и достаточно большое влияние.

Несходство западной цивилизации с тремя противостоящими ей восточными можно увидеть и в объеме их влияния на общество, в жесткости их религиозной доктрины и этической нормы. Разумеется, и христианство порой отличалось жесткостью и непримиримостью к любым отклонениям от нормы (чего стоит хотя бы одна святая инквизиция!). Но, несмотря на это, особенно в более позднее время, западная религия вынуждена была потесниться и сумела сделать такого рода вынужденный шаг с достоинством и как бы естественно. Ни в одной из других цивилизаций атеизму либо просто безразличию к религии в результате не было столько простора, причем это обстоятельство тоже сыграло свою роль в сохранении влияния христианства на западное общество.

Таким образом, объем влияния христианства на западное общество оказался не столь всеохватывающим, как то имело и все еще имеет место на Востоке. Но зато он, как и жесткость догматов и этических стандартов, вполне адекватен характеру свободного общества со всеми его возможными завихрениями (нельзя не вспомнить, что в глазах ревностных сторонников восточных религий, особенно мусульман, христианский Запад — исчадие ада, скопище развращенных). Сходные в общей установке на консервативную стабильность и не склонные санкционировать радикальные сдвиги в образе жизни XIX—XX вв., особенно на «безбожном» Западе, все великие восточные цивилизации переживают динамичные перемены колониальной эпохи и тем более нашего времени гораздо более болезненно, чем вполне адекватно отражают структуру традиционного Востока в целом.

Показательно, что все восточные цивилизации практически одинаково относятся к частному собственнику, особенно богатому и не причастному при этом к власти: собственник должен подчиняться власти, подавляться и контролироваться ею. Все они ревностно стоят на страже нерушимой традиционной нормы и резко осуждают любые

от нее отклонения, хотя характер и формы осуждения сильно различаются и строго соответствуют характеру самой религии. Одно дело, когда речь идет о весьма терпимых индуизме, буддизме и тем более конфуцианстве, которое вообще не имеет ни церковной организации, ни верховных хранителей традиции, но является веками воспитанной нормой поведения, так или иначе свойственной каждому из тех, кто родился в Китае (или Японии, Корее), и совсем другое — ислам с его жесткостью, нетерпимостью, воинственностью.

Поэтому некоторое сходство всех трех великих восточных цивилизаций (и соответствующих им религий), при сопоставлении их с христианской, цивилизацией Запада, отнюдь не означает их идентичности. Совсем напротив, все они очень различны, хотя эти различия в разной степени проявляют себя в каждом отдельном случае. Так, специальный сравнительный анализ (с учетом европейской модели как базовой основы для сравнения) показывает, что в сфере собственно религиозной каждая из трех восточных традиций — цивилизаций занимает свое особое место: ислам требует от своих адептов нерассуждающей покорности воле Аллаха либо его представителей на земле (религиозной элиты, начиная с пророков, халифов и эмиров и кончая муллами, шейхами, улемами и т. п.), индуизм и особенно буддизм ориентируют верующих на поиски спасения во внефеноменальном мире, а конфуцианство — на повседневный тяжелый труд во имя социальной гармонии и справедливого государства. Заслуживает внимания то несомненное обстоятельство, что конфуцианская нерелигиозная в собственном смысле этого понятия ориентация структурно всего ближе к европейской, особенно в ее протестантском варианте.

Если обратить внимание на отношение к обществу и государству, то окажется, что исламская и конфуцианская структуры ориентированы на сильную власть и практическую слитность общества и государства, тогда как индуизм и буддизм — на заметную обособленность общества от государства, в чем они оказываются близки к европейской модели. Если говорить об отношении к человеку, то стоит обратить внимание на то, что ислам, формально вроде бы отстаивающий равенство людей и даже проявляющий заботу о социальном страховании малоимущих (закят), на деле принижает их, низводя до уровня раба не только Аллаха, но и едва ли не каждого вышестоящего. В Индии неравенство освящено системой каст,

буддизм вообще достаточно равнодушен к людям и мало заботится о их жизни, предпочитая ставить во главу угла уход от жизни, и только конфуцианство, выдвигая на передний план принцип меритократии, активно способствует реализации способностей едва ли не каждого. Тем самым снова всего ближе к европейской модели именно оно.

Если взять вопрос о культуре эмоций, об отношении к женщине и культе любви, то близкими друг к другу окажутся конфуцианство и ислам, где всему этому уделяется мало внимания (особенно это видно на примере отношения к женщине), зато выгодно на этом фоне выделяются буддийские страны и особенно Индия, что сближает индобуддизм с европейской моделью. Можно было бы и продолжить сопоставления, но из уже сказанного вполне очевидно, что, если верить данным сравнительного анализа, едва ли не далее всего от европейского христианского стандарта отстоит исламский, территориально и по истокам наиболее близкий к Европе. Ближе к нему индобуддийский, еще ближе — конфуцианский (при всем, естественно, принципиальном несходстве каждого из них с христианским или антично-иудео-христианским Западом). Не будем торопиться с выводами, но все же обратим внимание на результаты анализа, примем их к сведению.

Сыграли ли свою роль особенности восточных цивилизаций в процессе описывавшихся в предшествующей части работы поставленных историей экспериментов, связанных с попытками синтеза структур Востока и Запада? Вне всякого сомнения! И хотя эксперимент касался взаимодействия античного и постантичного Запада с доисламскими ближневосточными субцивилизациями (эпоха эллинизма и Византия) или с этническими общностями протогосударственного уровня, еще неизвестными даже с феноменом самостоятельной урбанистической цивилизации (варвары, заселившие Европу после крушения Рима), совершенно очевидно, что традиции раннерелигиозных систем восточного типа, те самые, что впоследствии сыграли свою существенную роль в формировании великих цивилизаций Востока, активно препятствовали упомянутому синтезу. И европейский докапиталистический Запад не был в состоянии преодолеть это препятствие. Скорей, напротив, уступал под его давлением.

Совершенно естественно и логично, что формирование великих цивилизаций Востока с лежавшими в их фундаменте развитыми

религиозными системами в свое время только укрепило позиции Востока в целом в его противостоянии доренессансному Западу. А падение Византии под натиском турок или нашествие монголов под водительством Чингиза, хотя они и не дошли до Запада и ограничили свой экспансионистский порыв ближневосточными территориями, оказались частью того великого исторического вызова, который был брошен Европе в конце ее средневекового периода и на который она ответила мощным ударом в форме триединого процесса Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий. Этот ответ означал, что то, чего нельзя было достичь в прошлом, быть может, окажется возможным теперь, в новых исторических условиях. В частности, имелось в виду, что сложились условия для сближения Запада и Востока в новой форме, на базе принципиально иных позиций и при несомненном превосходстве обновленного Запада.